

Нора Робертс

МИРОВОЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Прыжок пумы

Нора Робертс. Мега-звезда современной прозы

Нора Робертс
Прыжок пумы

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Робертс Н.

Прыжок пумы / Н. Робертс — «Эксмо», 2009 — (Нора Робертс. Мега-звезда современной прозы)

ISBN 978-5-04-189838-0

Доктор Лилиан Чанс с детских лет хотела изучать диких зверей и смогла воплотить в жизнь свою мечту – теперь у нее есть заповедник и в нем зоопарк. А вот друг ее детства и первая любовь Купер Салливан-третий вопреки воле отца не продолжил семейный бизнес, а стал частным детективом. Вернувшись на земли своих предков, расположенные неподалеку от заповедника, Купер обнаружил, что за Лилиан постоянно шпионит загадочный незнакомец.

Куперу придется противостоять безжалостному убийце – маньяку, избравшему своей очередной жертвой Лилиан. Книга также издавалась под названием «Черные Холмы».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-189838-0

© Робертс Н., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Часть первая. Сердце	6
1	6
2	16
3	26
4	37
5	47
6	57
7	69
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Нора Робертс Прыжок пумы

Nora Roberts
Black Hills

© Приходько К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается всем защитникам дикой природы

Часть первая. Сердце

*Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.
Мф. 6:20–21*

1

*Южная Дакота,
июнь 1989 года*

Беззаботной жизни Купера Салливана настал конец. Суд в лице родителей отмел все разумные аргументы и остался безжалостен к просьбам. Не помогли ни угрозы, ни упрямство. Приговор привели в исполнение, и Салливана отправили в место заключения, лишив всего, что он знал и любил. В мир без видеосалонов и бигмаков.

Единственное, что не давало умереть от скуки или просто свихнуться, – любимый Game Boy.

Все, что остается во время двухмесячной каторги на гребаном Диком Западе, – рубиться в «Тетрис». Куп прекрасно знал, что эту игру отец получил в Токио прямиком с конвейера. И это что-то вроде взятки в обмен на отсутствие капризов.

Пусть ему всего одиннадцать лет от роду, но мозги ему не запудрить.

Почти ни у кого в Штатах нет этой игры. Клево, конечно. Но в чем прикол иметь то, о чем все мечтают, если ты даже перед друзьями похвастаться не можешь?

При таком раскладе максимум, что тебе светит, – стать Кларком Кентом или Брюсом Уэйном, отстойным альтер-эго крутых парней.

Все его друзья остались в Нью-Йорке, за миллионы миль отсюда. Они собирались провести лето вместе, отправиться на пляжи Лонг-Айленда или на берег Джерси. Ему обещали две недели в бейсбольном лагере в июле.

Это было раньше.

Теперь родители уезжают в Италию, Францию... или куда там еще едут взрослые на второй медовый месяц, спасая свой брак.

Да уж, Купу мозги они не запудрили.

Последнее, что хотят взять с собой взрослые в романтическое путешествие на двоих, – своего одиннадцатилетнего сына. Поэтому его сплавляли к бабушке и дедушке в Южную Дакоту.

Вернее, в «богом забытую Южную Дакоту». Сколько раз величала ее так мать Купа, по пальцам не пересчитать. За исключением того раза, когда она с улыбкой стала убеждать сына, что на ее малой родине его ждут приключения и знакомство со своими корнями. Удивительным образом «богом забытое место» превратилось в «уникальное», «такое интересное», «ближе к природе»... Будто бы Куп не знал, что мать сбежала с маленькой паршивой фермы своих родителей, как только ей стукнуло восемнадцать!

Сама-то сбежала, а он знай торчи теперь тут, хотя ничем не заслужил этого. Разве это он виноват, что отец не смог удержать свой член в штанах, а мать компенсировала разочарования в браке шопоголизмом на Мэдисон-авеню? Куп все знал, потому что подслушивал. Сами все испортили, а его приговорили к лету на гадкой ферме с бабкой и дедом, о которых он почти ничего не знал. Ну, кроме того, что они древние старики.

Его заставили ухаживать за вонючими лошадьми, которые смотрели так угрожающе, будто вот-вот укусят. И за вонючими курами, которые нападали взаправду.

В отличие от родителей Купера, старики обходились без домработницы, которая по утрам взбивала бы яичные белки для омлета и расставляла бы по местам разбросанные Купером коллекционные фигурки. Здесь все, включая дряхлую бабушку, ездили на грузовиках. Такси не было и в помине.

Куперу пришлось помогать по хозяйству и питаться едой домашнего приготовления – он такой в жизни не пробовал. Может, она и была вкусной, суть-то не в этом.

В доме не было нормального телевизора, в округе не было «Макдоналдса». Ни тебе китайской кухни, ни доставки пиццы. Ни друзей. Ни парка, ни кинотеатров, ни игровых автоматов.

С тем же успехом можно было бы поехать в Россию или в другую подобную глушь.

Он отлепился от Game Boy и уставился на унылый пейзаж за окном машины. Горы, прерии, деревья и прочая чушь. Кажется, с тех пор, как они уехали с фермы, вид за окном не поменялся вообще. Спасибо хоть бабушка с дедушкой перестали отрывать его от игры, чтобы обратить внимание на очередную фигию.

Можно подумать, его волнуют какие-то поселенцы, индейцы и солдаты, которые ошивались здесь еще до его рождения! Блин, да еще до рождения его доисторических бабушки с дедушкой.

Кому есть до всего этого дело? Когда есть «Люди Икс» и результаты соревнований по боксу. Неистовый Конь¹ и Сидящий-Черт-Те-Где Бык² – отстой.

По мнению Купа, тот факт, что ближайший к ферме город назывался Дедвуд³, говорил сам за себя. Дедовский город, город для стариков, где совершенно ничего не происходит. Мертвечина и сухостой.

Ему не было дела до ковбоев, лошадей и бизонов. Его волновали бейсбол и видеоигры. За лето он не посмотрит ни одной игры «Нью-Йорк Янкис».

Мертвецом быть и то веселее.

Куп заметил группу странных существ, похожих на оленей, если бы те были мутантами-переростками; они протопали мимо по высокой траве, меж деревьев и зеленых холмов. И какого фига ферма называется «Черные холмы», если холмы – зеленые? В этой идиотской Южной Дакоте ни черта не смыслят в зелени.

Ни небоскребов, ни улиц, ни торговцев на тротуарах. Домом здесь и не пахло.

Бабушка, сидевшая впереди, развернулась к нему:

– Ты видел, Купер? Там были лоси.

– Наверное.

– Еще немного, и мы будем дома у Шансов, – известила она внука. – Это так мило, что они пригласили нас на ужин. Тебе понравится Лил. Вы с ней почти ровесники.

– Да, мэм, – сказал Куп заученным тоном. Очень нужно ему встречаться с какой-то глупой девчонкой с фермы. От нее самой небось несет лошадь, да и выглядит она под стать.

Он опустил голову и занялся Тетрисом, надеясь, что его оставят в покое. Бабушка и мать Купа были похожи как две капли воды. Только бабушка – уже старуха без осветленных завитых локонов и макияжа. Тем не менее стоило Купу посмотреть на эту странную старуху с морщинами вокруг голубых глаз, как он видел в ней свою мать. Это было жутковато. И все же это была его бабушка, которую звали Люси.

¹ Мемориал Неистового Коня – колоссальная голова, высеченная из цельной скалы в штате Южная Дакота, памятник посвящен вождю индейского племени оглала. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, прим. ред.)

² Сидящий Бык (Бизон, сидящий на Земле) – прозвище легендарного вождя индейского племени хункпапа, возглавлявшего сопротивление коренного населения вооруженным силам США.

³ Deadwood (англ.) – мертвое дерево.

Она все время готовила и пекла. И развешивала простыни и одежду на веревке на заднем дворе фермы. Что бы она ни делала – шила ли, стирала, – она все время пела. У нее был красивый голос – на любителя, конечно.

Она ловко управлялась с лошадьми, и, признаться, Купа впечатлило, как она вскочила на одну из них без седла.

Ей было уже до фи́га лет – не меньше пятидесяти точно. Ну хоть песок не сыплется, и то ладно.

Обычно бабушка ходила в сапогах, джинсах и клетчатых рубашках. Только сегодня она наконец надела платье и распустила косу каштановых волос.

Поездка казалась бесконечно монотонной до тех пор, пока грузовик не начал подпрыгивать на ухабах. Тогда Куп глянул в окно и увидел, что ровной земли стало меньше, зато деревьев прибавилось, а небо было изрезано силуэтами гор. Пейзаж с обеих сторон пестрел множеством бугристых зеленых холмов, увенчанных голым камнем.

Он знал, что дедушка и бабушка разводят лошадей и сдают их в аренду туристам, желающим совершить конную прогулку. Ему такое было не понять. Он никак не мог взять в толк, зачем кому-то садиться верхом и нестись вскачь между скал и деревьев.

Гравийная дорога сменилась глухой неухоженной тропой, и Куп увидел, что по обеим сторонам пасется скот. Он надеялся, что путешествие подходит к концу. Его не волновали ни ужин на ферме Шансов, ни знакомство с глупой Лил – он просто хотел в туалет.

Дедушка притормозил возле скотных ворот; бабушка вылезла из кабины, чтобы открыть их и пропустить грузовик. Тем временем мочевого пузыря Купа начал протестовать.

Вокруг мелькали какие-то сараи, амбары, конюшни, но что это было, не имело значения. Все это, насколько он мог судить, было признаком цивилизации.

На одних полях что-то росло, на других паслись лошади – будто маялись без дела.

Когда подошли к дому Шансов, Куп увидел, что он очень похож на их собственный. Двухэтажный, с окнами и большим крыльцом. Только у них белый, а этот голубой.

Вокруг было полно цветов. Они вполне могли радовать глаз – того, кого не заставляли полоть клумбы, разумеется.

На крыльцо вышла женщина и помахала рукой. Она тоже была в платье. Таким длинным, точь-в-точь как наряды хиппи, которых Куп видел на фотках. У нее были очень темные волосы, которые она собрала в тугий хвост.

Во дворе у дома стояли два грузовика и старая легковушка.

Вечно молчаливый дедушка Купа вылез наружу.

– Хэй, Дженна.

– Сэм, дорогой. Рада тебе. – Женщина чмокнула дедушку в щеку, затем повернулась и крепко обняла бабушку. – Люси! Я же говорила: привозите только себя, – укоризненно заметила она, когда бабушка достала из багажника корзинку.

– Это вишневый пирог, вот, решила взять.

– Что ж, он точно будет кстати, не пропадет. А ты, видимо, Купер. – Дженна протянула мальчику руку, по-взрослому приветствуя его. – Добро пожаловать.

– Спасибо.

Она опустила руку ему на плечо.

– Пошли внутрь. Лил не терпит с тобой познакомиться, Купер. Они с отцом пока заняты, но скоро придут. Хочешь лимонада? После такой долгой поездки наверняка хочется пить.

– Хм. Наверное. Могу я узнать, где туалет?

– Конечно. Он в доме. – Дженна рассмеялась, а от лукавого взгляда ее темных глаз у него аж затылок запылал. Как будто она подслушала его мысли о том, как старо и уныло здесь все выглядит.

Дженна провела его через большую гостиную, затем через комнату поменьше и кухню, где пахло точь-в-точь как в бабушкиной.

Еще одна кухня с домашней едой. Все ясно.

– Туалет там. – Она небрежно похлопала Купа по плечу, и он почувствовал очередной прилив жара к шее. – Возьмем лимонад и посидим на заднем крыльце? – предложила она старикам.

Мать Купа назвала бы это туалетной комнатой. Он с наслаждением облегчился, затем вымыл руки в крошечной раковине, установленной в углу. Рядом на стержне висели бледно-голубые полотенца, украшенные вышивкой в виде маленькой розовой розы.

У него дома, размышлял Куп, туалетная комната в два раза больше, а шикарное дорогое мыло лежит в хрустальном блюде от Тиффани. Полотенца – намного мягче, и на них вышиты монограммы.

Замешкавшись, он ткнул пальцем в лепестки белых маргариток, стоявших в хлипком деревянном горшке на раковине. Дома, наверное, были бы розы. До сих пор он не обращал внимания на такие вещи.

Его мучила жажда. Захотелось взять пару литров лимонада, пакетик чипсов и растянуться на заднем сиденье машины со своим Game Boy. Все лучше, чем сидеть с кучей незнакомых людей на крыльце старого чужого дома; да еще небось несколько часов кряду.

Куп слышал, как они там в кухне разговаривают и подшучивают друг над другом, и прикидывал, как долго сможет тянуть время, прежде чем выйти обратно.

Выглянув в маленькое окошко, он убедился, что там все та же скучища. Конюшни и загоны, амбары и силосные ямы, тупые сельскохозяйственные животные, оборудование странного вида.

Не то чтобы он хотел поехать в Италию и гулять там, разглядывая всякое антикварное старье, но там он мог бы, по крайней мере, есть пиццу сколько влезет.

Из сарая вышла девчонка. У нее тоже были темные хипповские волосы, поэтому он решил, что это Лил. На ней были джинсы, закатанные до щиколоток, кроссовки на высокой платформе и красная бейсболка поверх темных кос.

У девчонки был неухоженный и глупый вид – и она сразу же ему не понравилась.

Секунду спустя вслед за ней вышел мужчина. С волосами соломенного цвета и длинным хвостом – ну точно хиппарь. И тоже в кепке. Он сказал девчонке что-то, отчего она рассмеялась и покачала головой. Что бы там ни было, но она вдруг побежала, а мужчина догнал и поймал ее.

Куп услышал, как девчонка завизжала от смеха, когда мужчина подбросил ее в воздух.

Спросил себя: а его отец когда-нибудь гонялся за ним? Когда-нибудь подбрасывал его в воздух, а потом раскачивал так, что голова закружится?

Трудно припомнить. Они с отцом разговаривали, когда у него находилось на сына время. А время, Купер знал это, всегда было в дефиците.

У деревенских увальней нет ничего, зато времени навалом, думал Купер. Они не знают законов бизнеса, как корпоративные юристы с репутацией его отца. Они не Салливаны в третьем поколении, как его отец, с фамилией и положением, которые обязывают.

Поэтому они могли подбрасывать своих детей в воздух целыми днями.

От этой сцены скрутило живот, и Куп отвернулся от окна. Выбора не было, и он вышел на улицу, готовясь отвратительно провести остаток дня.

* * *

Лил захихикала, когда отец отправил ее в очередной головокружительный кульбит. Восстановив дыхание, она попыталась посмотреть на него суровым взглядом.

– Он не будет моим парнем.

– Это ты сейчас так говоришь. – Джозайя Шанс быстро пощекотал дочку. – Но я буду присматривать за этим городским хитрецом.

– Не нужен мне никакой парень. – Умудренная опытом почти десятилетней жизни, Лил небрежно махнула рукой. – От них слишком много проблем.

Джо притянул ее ближе к себе, потрепал по щекам:

– Напомню-ка я тебе об этом через пару лет. Кажется, они уже приехали. Надо поздороваться и привести себя в порядок.

Лил подумала, что ничего не имеет против мальчиков. И она умела вести себя при гостях. Но все же...

– А если он мне не понравится, я все равно должна буду с ним играть?

– Он гость. Чужой в чужом краю. Разве ты не хотела бы, чтобы кто-то твоего возраста составил тебе компанию и показал город, если бы ты оказалась в Нью-Йорке?

Лил сморщила тонкий носик.

– Я не собираюсь в Нью-Йорк.

– Держу пари, он тоже не мечтал сюда приехать.

Лил не могла взять в толк, как такое может быть. Здесь у них было все, чего душа пожелает. Лошади, собаки, кошки, горы, деревья... Но родители объясняли ей, что люди, при всей их внешней схожести, в своих желаниях отличаются.

– Я буду вежливой. – «По крайней мере, пока».

– Но ты не сбежишь с ним и не выйдешь за него замуж?

– Папа!

Она закатила глаза, как раз когда мальчик вышел на крыльцо. Лил принялась изучать его взглядом биолога, наблюдающего любопытный экземпляр человека.

Он был выше ростом, чем она представляла, с волосами цвета сосновой коры. Выглядел то ли злым, то ли грустным, может, и то и другое... впрочем, одно другого не лучше. Одет как горожанин: темные джинсы без следов застиранности или заношенности, строгая белая рубашка. Он взял стакан лимонада, предложенный ее матерью, и наблюдал за Лил так же настороженно, как и она за ним.

Раздался крик ястреба, и мальчишка вздрогнул; Лил вовремя одернула себя, чтобы не усмехнуться. Маме не понравится, если она будет потешаться над гостями.

– Сэм, – широко улыбаясь, Джо протянул руку. – Как дела?

– Не жалуюсь.

– Люси, да ты красотка!

– Что есть, то есть. А это наш внук, Купер.

– Рад познакомиться, Купер. Добро пожаловать в Черные холмы. Это моя Лил.

– Привет. – Она наклонила голову. У него были голубые-голубые глаза, чистые, как горный лед. Ни тени приветливости во взгляде и никакой улыбки.

– Джо, Лил, приведите себя в порядок. Поужинаем на свежем воздухе, погода ведь отличная, – сказала Дженна. – Купер, садись ко мне поближе и расскажи, чем тебе нравится заниматься в Нью-Йорке. Я там никогда не была.

По опыту Лил, ее мать могла разговорить и обаять любого. Но Купер Салливан из Нью-Йорка, видимо, был исключением. Он отвечал, когда задавали вопрос, вел себя в рамках приличий, но не более того. Они сидели за столом для пикника – Лил это просто обожала! – ели жареную курицу и сдобные булочки, картофельный салат и стручковую фасоль, собранную матерью во время прошлого урожая.

Говорили о лошадях, скоте, урожае, о погоде, книгах и делах остальных соседей. Обо всем, что в мире Лил имело значение.

Купер казался девочке худым как жердь, да еще и рубашка сидела на нем как скафандр. Тем не менее он запахнул в себя по две порции всех предложенных блюд, но при этом почти не открывал рта.

До тех пор, пока ее отец не заговорил о бейсболе:

– В этом году Бостон прорвется наконец.

Купер фыркнул – и тут же ссутулился.

Подтолкнув мальчику корзинку сдобных булочек, Джо ухмыльнулся:

– Что скажете, мистер Нью-Йорк? «Янкис» или «Метс»?⁴

– «Янкис».

– И не мечтай. – С притворным сочувствием Джо покачал головой. – Не в этом году, парень.

– У нас сильное поле, хорошие биты. Сэр, – добавил он, как будто только что вспомнил об этом.

– «Балтимор» уже поддал вам жару – и покажет себя и впредь.

– Это случайность. Они сдулись в прошлом году. А этот год станет для них последним.

– Если даже и так, в атаку бросятся «Ред Сокс».

– Разве что со спины подкрадутся.

– Охохо, ишь какой умник.

Купер слегка побледнел, но Джо продолжал, словно не замечая реакции:

– Я скажу всего два слова: Уэйд Боггс. Сюда же Ник Эсаски. И еще...

– Дон Мэттингли, Стив Сакс.

– Джордж Стейнбрэннер.

– Подумаешь, – впервые за долгое время усмехнулся Купер.

– Дай мне минутку – проконсультируюсь с моим экспертом. «Сокс» или «Янкис», Лил?

– Ни те ни другие. В фавориты выйдет «Балтимор». У них есть молодость, азарт. В их команде Фрэнк Робинсон. У «Бостона» есть задумка, но они ее не провернут. «Янкис»? Ни единого шанса, не в этом году.

– Моя единственная дочь, и так ранит меня в самую душу! – Джо наигранно приложил руку к груди. – Ты играешь дома, Купер?

– Да, сэр. На второй базе.

– Лил, отведи Купера на задний двор сарая. Поупражняйтесь с битой – переварите обед.

– Хорошо.

Куп встал со скамейки.

– Спасибо за ужин, миссис Шанс. Было очень вкусно.

– Не за что.

Когда дети ушли, Дженна обменялась многозначительным взглядом с Люси и пробормотала:

– Бедный малыш.

Собаки помчались вперед, через поле.

– Я играю на третьей базе, – сказала Лил Купу.

– Где? Здесь же ничего нет.

– Прямо за Дедвудом. У нас есть поле и лига. Я собираюсь стать первой женщиной, играющей в высшей лиге.

Куп фыркнул.

– Женщины не могут играть в высшей лиге. Это правило.

– Правила можно менять. Так говорит моя мама. А когда я закончу карьеру игрока, стану менеджером.

⁴ New York Mets – профессиональный бейсбольный клуб, базируется в Квинсе.

Мальчишка усмехнулся. Это задело Лил, но таким он ей больше нравился. По крайней мере живой, а не чурбан в накрахмаленной рубашке.

– Ты просто не знаешь, как много в спорте значит член.

– Член команды?

Купер засмеялся. Лил поняла, что он смеется над ней, но решила дать ему еще один шанс, прежде чем полезть драться.

Все же он был в гостях. Чужой в чужом краю.

– Где ты играешь в Нью-Йорке? Я думала, там одни небоскребы.

– В Центральном парке, а иногда в Квинсе.

– Что такое Квинс?

– Один из пригородов.

– Огородов?

– Господи, да нет же. Это городской район, место такое. Нашла огород...

Лил остановилась, уперлась кулаками в бока и посмотрела на него взглядом резко потемневших глаз.

– Если для тебя все, кто задает вопросы, дураки, чем ты сам-то лучше?

Он пожал плечами и вместе с ней обогнул большой красный сарай.

Здесь одновременно пахло животными, пылью и дерьмом. Куп не мог понять, как кто-то может жить рядом с такой вонью, да еще и в какофонии из кудахтанья, сопения и мычания. Он начал было говорить об этом со смешком – в конце концов, перед ним всего лишь ребенок, к тому же девочка, – но потом увидел бейсбольную клетку и замолчал.

Да, это не то, к чему он привык, но выглядит довольно мило. Кто-то, видимо отец Лил, соорудил трехгранную клетку из ограждения. Задней частью она была повернута к дикорастущим зарослям и кустам ежевики, уступавшим место полю, где без дела пасся скот. Рядом с сараем, под одним из навесов, стоял потрепанный непогодой ящик. Лил открыла его, достала перчатки, биты, мячи.

– Мы с папой тренируемся почти каждый вечер после ужина. Мама иногда подает мне, но у нее тряпичная рука, бьет слабо. Ты можешь бить первым, если хочешь, потому что ты – гость, но нужно надеть шлем. Правила для всех одни.

Куп надел предложенный ею шлем, затем проверил вес пары бит. Держать их было почти так же приятно, как «Game Boy».

– Тебя тренирует отец?

– Конечно. Он играл пару сезонов во второстепенной лиге на Восточном побережье, так что он довольно хорош.

– Правда? – Все насмешки улетучились. – Он профессиональный игрок в мяч?

– Был им пару сезонов. Потом повредил запястье – и пока, бейсбол. Он отправился посмотреть страну и оказался здесь. Работал у моих бабушки и дедушки – раньше это была их ферма – и познакомился с моей мамой. Как-то так. Хочешь отбить?

– Да. – Куп вернулся к клетке, сделал пару тренировочных взмахов. Постановка. Первая подача от Лил была прямой и медленной, так что он без труда отправил мяч в поле.

– Хороший удар. У нас шесть мячей. Мы будем подавать их после твоего удара. – Она взяла следующий мяч, заняла свою позицию и сделала еще одну легкую подачу.

Куп почувствовал радостный подъем, когда мяч улетел в поле. Он отбил третий, затем, покачивая бедрами, стал ждать подачи.

Она сделала взмах битой и промахнулась.

– Пошло дело, – сказала она; Куп в ответ на это лишь прищурился.

Он промахнулся, пошаркал каблуками. Лил провела обманную подачу: низкую и внутреннюю. Он частично отбил следующий мяч, да так, что тот отрикошетил и со звоном ударился о клетку.

- Если хочешь, можешь бросить эти три обратно, – сказала она ему. – Я подам тебе еще.
- Все в порядке. Твоя очередь. – Он передал ей эстафету.

Они поменялись местами. Не давая Лил передышки, Куп молниеносно совершил подачу. Лил коснулась мяча битой, но полноценно отбить не смогла. Следующий мяч она отбила вертикально вверх. А вот третья подача прошла на ура. У Купа мелькнула мысль: «Будь здесь бейсбольный парк, она бы тренировалась еще круче и я бы сейчас продул».

- А ты молодец.

– Мне нравятся высокие и внутренние подачи. – Ударив битой о клетку, Лил направилась к полю. – У нас игра в следующую субботу. Приходи.

Какая-то дурацкая игра. Но хоть что-то. Интереснее, чем просто скучать в этой дыре.

- Может быть.

– А ты ходишь на настоящие игры? Например, на стадион «Янки»?

– Конечно. У моего отца есть сезонный абонемент, места в ложе, прямо за линией третьей базы.

- Не может быть!

Произвести на нее впечатление было, пожалуй, приятно. Жизнь не так уж плоха, когда есть с кем поболтать о бейсболе, пусть даже это девчонка с фермы. К тому же она умеет обращаться с мячом и битой, а это явный плюс.

Тем не менее Куп только пожал плечами, а затем проследил за тем, как ловко Лил проскользнула через линию колючей проволоки. Он не стал возражать, когда она повернулась и раздвинула колючки, чтобы он мог пройти.

– Мы смотрим матчи по телевизору или слушаем по радио. А однажды мы ездили в Омаху, чтобы посмотреть игру. Но я никогда не была на стадионе высшей лиги.

И это напомнило ему, где он находится.

- Ты в миллионе миль от него. В миллионе миль от всего.

– Папа говорит, что однажды мы возьмем отпуск и поедem на восток. Может быть, в Фенуэй Парк⁵, потому что он фанат «Ред Сокс». – Она нашла мяч и сунула его в задний карман. – Он любит болеть за аутсайдера.

- Мой отец говорит, что умнее болеть за победителя.

– Почти все так и делают, поэтому кто-то должен болеть за аутсайдера. – Она улыбнулась ему, взмахнула длинными ресницами над темно-кариими глазами. – В этом году это будет «Нью-Йорк».

Он усмехнулся прежде, чем до него дошел смысл ее слов:

- Вот как.

Он поднял мяч, перебрасывая его из руки в руку, пока они шли к деревьям.

- А что вы делаете со всеми этими коровами?

– Это мясной скот. Мы их выращиваем, а потом продаем. Люди их едят. Держу пари, даже люди в Нью-Йорке любят стейк.

Купу стало отвратительно от самой мысли, что корова, которая сейчас смотрит на него, однажды окажется на чьей-то тарелке, может быть даже на его собственной.

- У вас есть домашние животные? – спросила она.

- Нет.

Лил не могла представить себе, как можно существовать без постоянного соседства с животными. И она искренне посочувствовала Купу, который жил именно в таком мире.

– Наверное, в городе с этим сложнее. Наши собаки... – Она сделала паузу, чтобы оглядеться, затем заметила их. – Видел, как они шныряют туда-сюда? Теперь опять побежали

⁵ Фенуэй Парк – бейсбольный стадион возле Кенмор-сквера в Бостоне, штат Массачусетс, домашняя арена команды Boston Red Sox.

попрошайничать к столу, надеются на объедки. Они хорошие. Ты можешь иногда приходить и играть с ними, если хочешь, и пользоваться бейсбольной клеткой.

– Может быть. – Он украдкой бросил на нее еще один взгляд. – Спасибо.

– Тут мало кто из девочек любит бейсбол. Или походы, рыбалку. А я люблю. Папа учит меня следопытству. Его научил дедушка, мамин отец. Он в этом действительно хорошо разбирается.

– В следопытстве?

– Да, как читать следы животных и людей. Такое развлечение. Вокруг много троп, есть чем заняться.

– Тебе видней.

Лил покачала головой в ответ на пренебрежительный тон.

– Ты когда-нибудь был в походе?

– Зачем мне это?

Она только улыбнулась.

– Скоро стемнеет. Нам лучше забрать последний мяч и возвращаться. Если ты придешь еще, может, папа поиграет с нами или мы сможем покататься на лошадях. Ты любишь ездить верхом?

– На лошади? Я не умею. Это тупо.

Она вспыхнула – прямо как в тот раз, когда злость позволила ей отправить мяч в высокую и дальнюю подачу, ударив по нему изо всех сил.

– Это не тупо! Говорить, что это тупо, только потому, что не умеешь, – вот что тупо.

И к тому же это весело. Когда мы...

Тут она застыла на месте. Сделав глубокий вдох, схватила Купа за руку.

– Не двигайся.

– Что? – Из-за того, что рука на его руке дрожала, в его горле запульсировало. – Змея?

В панике он осмотрел траву.

– Пума. – Лил едва вымолвила это слово – шепотом, с придыханием. Она стояла, замерев как статуя – только рука на его руке дрожала – и смотрела в густые заросли.

– Что? Где? – Подозревая подвох и полагая, что девчонка просто дурачится и пытается его напугать, он попытался вырвать руку. Поначалу он не видел ничего, кроме кустарника, деревьев, скал и холмов.

Но затем увидел тень.

– Дерьмо... Вот же срань!

– Не убегай. – Она смотрела как замороженная. – Если ты побежишь, пума погонится за тобой, а она быстрее. Нет! – Она дернула его за руку, когда Куп приподнялся и крепко схватил мяч. – Не кидайся в нее, рано. Мама сказала... – Мамины советы всплывали в голове очень размыто. Лил никогда раньше не видела диких кошек вживую, тем более так близко к ферме. – Надо шуметь и выглядеть устрашающе.

Дрожа, Лил встала на ноги, подняла руки над головой и начала кричать:

– Прочь! Прочь отсюда! Вопи что есть мочи! – крикнула она Куперу. – Притворись большим и злым!

Острый взгляд ее темных глаз измерил пуму от кончика носа до хвоста. Даже когда сердце колотилось от страха, в ней шевелилось еще какое-то чувство.

Благоговение.

Лил видела, как сверкали глаза зверя в наступающих сумерках, как он смотрел прямо на нее. Хотя в горле у нее пересохло, она подумала: «Он прекрасен. Он так прекрасен».

Зверь шагал с мощной грацией, наблюдая за ними, словно решая: нападать или отступить.

Куп тоже закричал вместе с девочкой, и в его голосе слышался страх. Лил наблюдала, как большая кошка скользнула в густую тень. А потом прыгнула в сторону, и тусклое золотое пятно ослепило ее.

– Она убежала. Убежала!..

– Нет, – пробормотала Лил. – Улетела.

Сквозь животный рев, заполонивший уши, до нее донесся крик отца, и девочка обернулась. Он мчался по полю, разгоняя удивленный скот. Отставая от него на пару метров, в их сторону двигался дедушка Купа с винтовкой, которую, кажется, привез с собой. За ними мчались собаки, мама Лил с ружьем и бабушка Купа.

– Пума. – Лил успела произнести это слово, прежде чем Джо повалил ее с ног и заключил в свои объятия. – Она была там... Вон там. Теперь ее нет.

– Идите в дом. Куп. – Свободной рукой Джо притянул Купа к себе. – Вы оба, отправляйтесь в дом. Сейчас же.

– Она убежала, папа! Мы ее спугнули.

– За ней! Она ушла туда, – сказал он, когда Дженна, обогнав Сэма, поравнялась с ними.

– О боже... Ты в порядке. – Отдав Джо дробовик, мать прижала Лил к себе. – Ты в порядке... – Она поцеловала лицо Лил, ее волосы, затем наклонилась, чтобы сделать то же самое с Купом.

– Отведи их в дом, Дженна. Бери детей и Люси, живо внутрь.

– Пойдемте скорей. – Дженна обняла обоих детей и посмотрела на мрачное лицо подошедшего Сэма. – Будьте осторожны.

– Не убивай ее, папа! – воскликнула Лил, когда мать выпустила ее из объятий. – Она такая красивая. – Девочка по-прежнему оглядывала кусты и деревья, надеясь увидеть хотя бы еще один проблеск. – Не убивай ее.

2

Купу снились кошмары. В одном из них пума со сверкающими желтыми глазами впрыгнула в окно спальни и сожрала его, жадно отрывая огромные куски его плоти один за другим, да так быстро, что он не успел даже закричать. В другом сне он заблудился в холмах, среди раскинувшихся на мили вокруг зелени и камней. Никто из взрослых не пытался найти его. Пожалуй, что никто даже не заметил его отсутствия.

Отец Лил не убивал пуму. По крайней мере, Куп не слышал выстрелов. Когда бабушка и мистер Шанс вернулись, они принялись уплетать вишневый пирог и домашнее мороженое и свели разговор к другим темам.

Они делали так нарочно. Куп слишком хорошо знал эту уловку взрослых. Они не станут говорить о том, что произошло, пока не удостоверятся, что дети легли в постель и не смогут их услышать.

Смирившись со своей неволей и затаив обиду, Куп занимался хозяйством, ел домашнюю еду, которой его кормили, играл в свой Game Boy. Он надеялся, что, если будет делать то, что велят, ему дадут день условно-досрочного освобождения и он сможет вернуться на ферму Шансов и воспользоваться бейсбольной клеткой.

Может быть, мистер Шанс тоже будет играть, тогда он расспросит его о том, каково это – быть профессиональным игроком. Куп знал – отец ждет, что он поступит в юридическую школу, чтобы потом продолжить его дело в семейной фирме. Однажды Куп станет крупным адвокатом. Но, может быть, вместо этого он станет бейсболистом.

Если будет достаточно хорош.

На фоне мыслей о мяче, побеге, страданиях летнего заключения большая желтоглазая кошка казалась ему всего лишь очередным кошмарным сном.

Он молча завтракал за старым кухонным столом... оладьями – так называла бабушка это блюдо. Бабушка возилась у плиты, бабушка уже был на улице, делал что-то по хозяйству. Купер ел медленно. За столом нельзя было играть в Game Boy. Но как только он закончит, придется плестись на улицу и помогать деду.

Люси налила кофе в белую кружку с толстыми стенками, поставила ее на стол и уселась напротив внука.

– Ну, Купер, ты с нами уже две недели.

– Похоже на то.

– И все это время ты ходишь как в воду опущенный. Ты хороший парень, смывленный, сообразительный. Делаешь, что попросят, и не дерзишь. По крайней мере, не вслух.

Она наглядно дала ему понять – он прочел это в ее умном, но не сердитом взгляде, – что знает, как он хамит им с дедом про себя, причем на каждом шагу.

– Это все похвально. Но ты тот еще бука, стесняешься, словно неродной, и слоняешься по дому как по тюрьме. Это уже не так похвально.

Он промолчал, но пожалел, что не успел быстрее позавтракать и сбежать. Он сгорбил плечи, морально подготовившись к перепалке. Сейчас, как это обычно бывает в спорах со взрослыми, бабушка перечислит все, что он сделал не так, а затем скажет, что ожидала большего, а он разочаровал ее.

– Я знаю, что ты злишься, и ты имеешь на это право. Именно поэтому первые две недели были чем-то вроде аванса или форы.

Он уставился в свою тарелку, между его бровей залегла складка – он был в замешательстве.

– Видишь ли, Купер, я злюсь на то, как обошлись с тобой. Твои родители повели себя как эгоисты и не приняли в расчет того, что хочешь ты.

Он чуть-чуть поднял голову – этого оказалось достаточно, чтобы их глаза встретились. Может быть, это уловка и бабушка хитростью вынуждает его сказать что-то плохое о родителях. Чтобы его наказали или отправили под домашний арест.

– Они могут делать что хотят.

– Конечно, могут. – Бабушка оживленно кивнула, отхлебывая из кружки. – Но это не значит, что нужно так с тобой обращаться. Я хочу подольше побыть с тобой, и твой дедушка тоже. Знаю, из него слова не вытянешь, но мне-то можешь поверить. И мы считаем, что поступить с тобой так было эгоистично. Мы правда хотим, чтобы ты погостил у нас, хотим поближе узнать нашего единственного внука, провести вместе время, которого у нас не было раньше. Но ты не хочешь быть здесь, и я сожалею об этом.

Она смотрела ему прямо в глаза. Непохоже на уловку.

– Я знаю, ты бы хотел снова оказаться дома, – продолжала она, – со своими друзьями. Знаю, что ты хотел поехать в бейсбольный лагерь, который тебе обещали родители. Да, я знаю и об этом.

Снова кивнув, бабушка уставилась в окно напряженным взглядом, потягивая кофе. Кажется, она и вправду злилась. Но не на него. А на несправедливость, которую сотворили с ним.

И это было то, чего он не понимал. От этого в груди все сжалось и зануло.

– Я знаю об этом, – повторила она. – У мальчишки твоих лет нет особого права выбора, права голоса. Все впереди, но пока что этого нет. Ты можешь пользоваться тем, что дают, или страдать.

– Я просто хочу домой. – Он не хотел говорить это вслух, лишь подумал. Но слова вырвались наружу, как будто вылетели из сдавленной, ноющей груди.

Бабушка снова взглянула на него:

– Милый, я знаю. Знаю, что хочешь. Я бы очень хотела тебе помочь. Можешь мне не верить, ведь ты пока не очень хорошо меня знаешь, но я действительно хочу дать тебе то, чего ты желаешь.

Дело было даже не в доверии, а в том, как она говорила с ним. Так, будто он что-то значит. Поэтому слова потоком устремились наружу, а вместе с ними и то, что наболело.

– Они просто отослали меня куда подальше, а я и не сделал ничего плохого. – Голос Купера дрогнул от подступавших слез. – Они не захотели брать меня с собой. Я им не нужен.

– Ты нужен нам. Я знаю, это так себе утешение. Но помни об этом и верь мне. Может быть, когда-нибудь в твоей жизни, потом, тебе понадобится место, где тебя ждут. Здесь у тебя всегда будет дом.

Наконец он высказал свои худшие подозрения. То, что долго скрывал:

– Они собираются разводиться.

– Боюсь, так и есть.

Он моргнул и уставился на нее; он надеялся, что бабушка опровергнет это, притворится, что все будет хорошо.

– Что тогда будет со мной?

– Ты справишься.

– Они не любят меня.

– Мы тебя любим. Очень любим, – повторила она настойчиво, когда он снова опустил голову и покачал ею. – Во-первых, потому, что ты наша родная кровь. Ты наш внук. А во-вторых... просто потому что.

Две слезинки упали на его тарелку, а Люси продолжала говорить:

– Не мне судить о том, что они чувствуют и думают. Но мне есть что сказать по поводу их поступков. Я так зла на них. Я ужасно злюсь на них за то, что они причинили тебе боль. Люди скажут, что это всего лишь одно лето, это не конец света. Но люди, которые так говорят,

не помнят, каково это – быть одиннадцатилетним. Я не могу заставить тебя радоваться тому, что ты здесь, Купер, но я попрошу тебя кое о чем. Об одном одолжении – это может быть для тебя непросто. Я прошу тебя попробовать.

– Здесь все по-другому.

– Это точно. Но ты можешь найти то, что придется по душе именно тебе. И до конца августа останется ждать не так долго, стоит только начать. Попробуй, Купер, постарайся хорошенько, и я уговорю твоего дедушку купить нам новый телевизор. Без торчащих кроличьих ушей.

Он фыркнул.

– А если я попробую и мне все равно ничего не понравится?

– Зачтется сама попытка, если попытаешься всерьез.

– И как долго мне надо стараться для покупки телевизора?

Она от души расхохоталась, и от ее смеха губы Купа почему-то изогнулись, а напряжение в груди утихло.

– Вот это парень! А ты хорош. Что ж, скажем, две недели. Две недели унылых раздумий позади, теперь – две недели попыток. Потрудишься как следует, будет тебе новый телик в гостиной, уж будь уверен. Идет?

– Да, мэм.

– Хорошо. А теперь ступай-ка, найди своего дедушку. У него там какое-то дело, и ему может понадобиться помощь.

– Ладно. – Он поднялся на ноги. И как-то само собой получилось, что он выпалил кое-что еще: – Они много орут друг на друга и даже не знают, что я рядом. Папа занимается сексом с кем-то еще. Думаю, что часто.

Люси тяжело вздохнула.

– Подслушиваешь у дверей, парень?

– Иногда. Бывает, они так кричат об этом, что не нужно особо напрягаться, чтобы услышать. Никогда не слушают, что я говорю. Порой притворяются, что слушают, а бывает, что и нет. Им все равно, нравится ли мне что-нибудь, лишь бы я вел себя тихо и не мешал им.

– Что ж, как ты уже сказал, здесь все по-другому. И в этом тоже.

– Наверное. Может быть.

Он не знал, что и думать, пока шел на улицу. Никто из взрослых никогда не разговаривал с ним так откровенно, не слушал его так внимательно. Он никогда не слышал, чтобы кто-то критиковал его родителей – ну, кроме них самих, они ведь вечно орали друг на друга.

Бабушка сказала, что он им нужен. Никто никогда не говорил ему этого раньше. Она сказала это, несмотря на то что знала, как сильно он не хочет быть здесь, и непохоже, что она сделала это затем, чтобы ему было стыдно или плохо. Куп чувствовал, что ее слова были правдой.

Он остановился, огляделся. Он может попробовать, конечно, но что можно здесь найти по душе? Скопища лошадей, свиней и кур. Поля, холмы и больше ничего.

Ему нравились ее оладьи, но речь все же была не об этом.

Куп засунул руки в карманы и направился к дальней стороне дома, откуда доносился стук. Теперь ему придется общаться со своим странным, нелюдимым дедушкой. И вот что здесь может понравиться?

Приглядевшись, он увидел Сэма у большого сарая с белой силосной башенкой. Сэм вбивал в землю металлические кольца, и осознание того, что это может быть, заставило Купа утратить дар речи.

Клетка для бейсбола.

Он хотел побежать, пролететь через грязный двор. Но заставил себя идти. Может быть, это просто похоже на клетку. Может быть, это что-то для животных.

Сэм поднял голову и вбил в землю еще один кол.

– Ты опоздал.

– Да, сэр.

– Животных я покормил, на тебе сбор яиц.

– Бабушка сказала, что тебе нужна помощь с каким-то делом.

– Нет. Почти все готово. – Не выпуская из рук маленькую кувалду, Сэм выпрямился и отошел на пару шагов. Он молча изучал взглядом ограждение.

– Яйца сами в ведро не запрыгнут, – сказал он в конце концов.

– Нет, сэр.

– Может быть, – пробурчал он, когда Куп повернулся, чтобы уйти, – я мог бы сделать пару подач... как работу закончим. – Сэм поднял биту, прислоненную к стенке сарая, и вручил внуку. – Возьми. Я закончил с нею возиться накануне.

Обескураженный, Купер взял биту, потрогал гладкое дерево.

– Ты сам ее сделал?

– Ну да. Чего на магазинную тратиться?

– Тут... тут мое имя. – Куп с трепетом провел пальцами по буквам, выгравированным на дереве.

– На то она и твоя. Так ты займешься яйцами или нет?

– Да, сэр. – Он передал биту обратно Сэму. – Спасибо.

– Тебе когда-нибудь надоест быть таким чертовски вежливым, парень?

– Да, сэр.

Губы Сэма дернулись.

– Иди.

Куп побежал к курятнику, но остановился на полпути:

– Дедушка? Ты научишь меня ездить верхом?

– Займись пока делом. Там посмотрим.

* * *

Он замечал, пусть и по чуть-чуть, что ему кое-что нравится. Нравилось упражняться с мячом после ужина и нравилось, какие сумасшедшие, преувеличенно крученые подачи делал время от времени дедушка. Нравилось кататься на Дотти, маленькой кобыле, по загону – он вкусил всю прелесть этого занятия, едва перестал бояться, что она лягнет или укусит.

Лошади уже не так мерзко воняют, когда начинают тебе немного нравиться и когда мысль о езде верхом уже не пугает до смерти.

Ему нравилось наблюдать за грозой, которая однажды ночью, словно из засады, прорезала и испепелила небо. Он даже полюбил иногда сидеть у окна своей спальни и смотреть на улицу. Он все еще скучал по Нью-Йорку, по своим друзьям, по обычной жизни, но было интересно видеть столько звезд и слышать, как в тишине гудит дом.

Ему не нравились куры, их запах, кудахтанье, злобный блеск, появлявшийся в их глазах, когда он заходил в курятник собирать яйца. Но зато ему нравилось, когда яйца готовили на завтрак или подмешивали в тесто для пирогов и печенья.

В большой стеклянной банке, на кухне у бабушки, всегда было печенье.

Ему не нравилось, когда к ним приходили гости или когда кто-то попадался им с бабушкой и дедушкой по дороге в город, – эти люди вечно оценивали его взглядом и говорили что-то вроде: «Так это мальчик Мисси!» (Его мать крестили как Мишель, а в Нью-Йорке сокращенно звали Шелль.) А еще они утверждали, что он – вылитый дед. Хотя тот был вообще-то старикан.

Ему нравилось смотреть, как грузовик Шансов едет в сторону их фермы, и было уже без разницы, что Лил девчонка.

Лил умела играть в мяч и не имела привычки беспрестанно хихикать, как другие знакомые ему девочки. Она не была фанаткой New Kids on the Block и, следовательно, не пицала от восторга от их музыки. Этого уже было достаточно.

Она управлялась с лошадью лучше, чем Куп, но не задирала нос по этому поводу. Ну, почти. Через некоторое время он перестал общаться с ней как с девчонкой. И стал общаться просто как с Лил.

А через неделю после разговора за кухонным столом – всего через одну, не через две! – в гостиной появился совершенно новый телевизор.

– Нет смысла ждать, – сказала бабушка. – Ты отлично справился со своей задачей. Я горжусь тобой.

За всю свою жизнь Куп не мог припомнить, чтобы кто-то раньше гордился им или говорил это только потому, что он старался.

Как только его подготовку признали достаточной, им с Лил разрешили ездить верхом, но только в поле, в пределах видимости рядом с домом.

– Ну как? – спросила Лил как-то раз, когда они вели лошадей по траве.

– Что?

– Тупо или нет?

– Может, и нет. Она довольно классная. – Он похлопал Дотти по шее. – И любит яблоки.

– Я бы хотела, чтобы нам разрешили поехать на холмы, осмотреться. Но меня отпустят только в сопровождении кого-то из взрослых. Хотя... – Она огляделась вокруг, как бы проверяя, не подслушивает ли их кто-нибудь. – Однажды утром, перед рассветом, я улизнула. Пыталась выследить пуму.

Куп чуть дар речи не утратил:

– Ты с ума сошла?

– Я прочитала о них все. Брала книги в библиотеке, – убежденно сказала Лил, нахлобучив коричневую ковбойскую шляпу и перекинув длинную косу через плечо. – Они не беспокоят людей, почти никогда. И они нечасто появляются на такой ферме, как наша, если только не мигрируют или что-то в этом роде.

Она повернулась к Купу лицом, и он увидел, что Лил захлестывают эмоции.

– Это было так круто! Очень круто! Я нашла шерсть, следы и все такое. Но потом я потеряла след, а задерживаться не хотела, они и так уже встали к моменту, как я вернулась. Мне пришлось притвориться, что я только что вышла из дома. – Она поджала губы и посмотрела на него свирепым взглядом. – Ты им не расскажешь?

– Я не трепло. – Это даже оскорбительно – думать о нем так. – Но ты не можешь просто взять и пойти одна. Черт возьми, Лил.

– Я хороший следопыт. Не такой хороший, как папа, но у меня неплохо получается. И я знаю тропы. Мы часто ходим в походы, разбиваем палатки и все такое. У меня есть компас и походный набор.

– А если ты наткнешься на пуму?

– Это шанс увидеть ее снова. В тот день она смотрела прямо на меня, прямо мне в глаза. Как будто она знала меня, и мне показалось... Мне показалось, что так оно и есть.

– Да ладно.

– Seriously. Дед моей матери был сиу.

– Индеец, что ли?

– Коренной американец, – поправила она. – Лакота-сиу. Его звали Джон Свифтуотер, и его племя – ну, народ – жило здесь поколениями. Они поклонялись духам животных. Может быть, пума – мой тотем.

– Никакой она не тотем.

Но Лил продолжала смотреть на холмы.

– Я слышала ее той ночью. После того, как мы ее увидели. Слышала крик.

– Крик?

– Это звук, который издают пумы, потому что не могут рычать. Только большие кошки, такие как львы, могут рычать. У них какая-то особая штука в горле – я забыла, как она называется. Придется заглянуть в книжку еще раз... В общем, я хотела попробовать найти ее.

Куп не мог не восхититься ее поступком, даже если он казался безумным. Ни одна знакомая ему девочка не стала бы тайком выслеживать пуму. Ни одна, кроме Лил.

– Если бы вы встретились, скорее всего, ты стала бы ее завтраком.

– Не говори никому.

– Я уже обещал тебя не выдавать, но ты все равно не сможешь в одиночку и тайком отправиться на поиски.

– Я думаю, она бы уже вернулась, если бы хотела. Интересно, куда она делась? – Лил вновь посмотрела вдаль, на холмы. – Мы могли бы пойти в поход. Папа очень любит это. Мы ходим в походы и разбиваем лагерь на ночь. Бабушка с дедушкой отпустят тебя.

– Ночевка в палатке? В горах? – Идея была одновременно пугающей и захватывающей.

– Да. Мы бы ловили рыбу на ужин и увидели бы водопад, и бизонов, и всякую живность. Может быть, даже пуму. Когда доберешься до самого пика, можно будет увидеть всю Монтану. – Она оглянулась, услышав звонок на обед. – Пора есть. Но мы пойдем в поход. Я попрошу папу. Это будет весело.

* * *

В первом же походе Куп научился рыбачить. Узнал, как захватывает дух, когда сидишь у костра и слушаешь раскаты эха от волчьего воя. И как это круто, когда на конце твоей удочки бьется серебристая рыба, которую поймал не из-за сноровки, а потому, что повезло.

Его тело окрепло, мышцы стали тверже. Теперь он отличал лося от оленя и знал, как ухаживать за амуницией для лошадей.

Научившись скакать галопом, Куп познал самый большой кайф в своей жизни.

Он заслужил место в бейсбольной команде Лил и на бегу принес мяч, сделав сильный двойной бросок.

Оглядываясь назад годы спустя, Куп поймет, что в то лето его жизнь перевернулась, чтобы уже никогда не быть прежней. Но в возрасте одиннадцати лет он знал только одно – он счастлив.

Дедушка научил его строгать и резать по дереву и, к огромной радости Купа, подарил ему перочинный ножик – на память. Бабушка показала, как ухаживать за лошадьми, осматривая их сверху донизу и проверяя, нет ли болячек и признаков заболеваний.

А дед научил его, как с ними разговаривать.

– Лошадь общается взглядом, – сказал ему Сэм. – Телом, ушами, хвостом – тоже, но прежде всего – глазами. Важно, что вы видите, заглядывая друг другу в глаза. – Он держал под уздцы нервного жеребенка, который ревел и месил ногами в воздухе. – Не так важно, что ты говоришь, ведь они прочитают мысли по твоим глазам. Этот парень хочет показать, как он крут, но на деле он немного напуган. Чего мы хотим от него, что мы собираемся делать? Понравится ли ему это? Будет ли больно?

Даже разговаривая с Купом, Сэм смотрел в глаза жеребенку, его голос был мягким и успокаивающим.

– Что точно стоит сделать, так это убрать натяжение. Твердая рука не обязательно должна быть жесткой.

Сэм ослабил уздечку. Жеребенок дрожал и дергал ногами.

– Ему нужно имя. – Сэм провел рукой по шее жеребенка. – Придумай.

Куп оторвал взгляд от жеребенка, чтобы посмотреть на Сэма.

– Я?

– Что за имя «Я» для лошади?

– То есть... Ммм. Джонс? Может ли это быть Джонс, как Индиана Джонс?

– Спроси у него.

– Я думаю, ты Джонс. Джонсы умные и храбрые. – С небольшой помощью руки Сэма, державшей уздечку, жеребенок решительно кивнул. – Он сказал «да»! Ты это видел?

– А то. Теперь держи его голову, крепко, но не слишком сильно. Я собираюсь накинуть на него седельное одеяло. Он привык к этому. Напомни ему.

– Я... Это просто одеяло. Ты же не против одеяла, Джонс? Это не больно. Мы не сделаем тебе больно. У тебя и раньше было одеяло. Дедушка говорит, что сегодня мы просто приучим тебя к седлу. Это тоже не больно.

Джонс пристально смотрел в глаза Купа, наострив уши, и почти не обращал внимания на подушку седла.

– Может быть, я смогу немного покататься на тебе, когда ты привыкнешь к седлу. Потому что я вешу не так много, чтобы причинить тебе боль. Правда, дедушка?

– Ну-ка, посмотрим. Держись крепче, Купер.

Сэм поднял тренировочное седло и надел его на лошадь. Джонс дернул головой, рванулся вперед.

– Все в порядке. Все в норме. – «Он не сердится, не злится, – подумал Куп. – Просто немного напуган, вот и все». Он чувствовал и читал это в глазах Джонса. – Это просто седло. Наверное, поначалу в нем странно себя чувствуешь. – Под полуденным солнцем, едва заметно потев, Куп говорил и говорил, пока его дед застегивал седло.

– Выведи его на лужайку, как я тебе показывал. Так же, как ты делал с ним до седла. Он будет выпрягаться.

Сэм отошел, чтобы дать мальчику и жеребенку поучиться. Он прислонился к ограде, готовый вмешаться, если понадобится. Сзади подошла Люси и положила руку ему на плечо.

– Вот это зрелище, не правда ли?

– У него есть чутье, – признал Сэм. – И сердце, и голова тоже. Парень – прирожденный лошадалик.

– Я не хочу его отпускать. Я знаю, – упредила она ответную реплику Сэма. – Не нам это решать. Но сама мысль об этом разбивает мне сердце. Кое-что я знаю наверняка: они не дают ему столько любви, сколько даем мы. Поэтому у меня душа болит, когда я думаю, что мы должны отправить его обратно.

– Может быть, он сам захочет приехать следующим летом.

– Может быть. Но придется долго ждать. – Она вздохнула, затем повернулась на звук грузовика. – Кузнец едет. Пойду принесу лимонада.

* * *

Это был сын кузнеца, хулиганистый большеголовый мальчишка лет четырнадцати по имени Галл. В полуденной тени сарая он дал Купу на пробу первую и последнюю щепоть табака.

Куп выbleвал свой завтрак, обед и все, что было в желудке, но и после этого, по экспертной оценке Галла, оставался зеленым как кузнечик. Заслышав странные звуки, Люси оставила работу на огороде и поспешила к задней части сарая. Там Куп, стоя на четвереньках, продолжал блевать, а рядом стоял Галл, почесывая голову под шляпой.

– Блин, Куп, ты еще не все?

– Что случилось? – требовательно спросила Люси. – Что ты сделал?

– Он просто хотел попробовать жвачку. Я ничего дурного не хотел, миссис Люси, мэм.

– Ты что, не знаешь, что парню его возраста лучше не давать табак?

– Блеванул чуток, с кем не бывает.

Когда все закончилось, Люси наклонилась к нему.

– Давай, мальчик, пойдём в дом и приведём тебя в порядок.

Бодро и деловито Люси затащила его внутрь. Слишком слабый, чтобы протестовать, Куп только застонал, когда бабушка раздела его до трусов. Она вымыла ему лицо, дала попить прохладной воды. Опустив жалюзи, она присела на край кровати и положила руку ему на лоб. Он открыл обеспокоенные глаза.

– Это было ужасно.

– Урок усвоен. – Она прикоснулась губами к его лбу. – С тобой все будет в порядке. Ты справишься.

«И не только сегодня», – подумала она. И немного посидела с ним, пока он отсыпался, приходя в себя после полученного урока.

* * *

Куп и Лил улеглись рядом на большой плоский камень у ручья.

– Она не кричала и не ругалась, ничего такого.

– И какой он на вкус? Наверное, такой же, как на запах, то есть – отвратный. И выглядит тоже отвратно.

– На вкус... как дерьмо, – решил он.

Она хмыкнула.

– Ты что, пробовал дерьмо на вкус?

– Я достаточно нанюхался его этим летом. Лошадиное дерьмо, свиное дерьмо, коровье дерьмо, куриное дерьмо...

Лил завывала от смеха.

– В Нью-Йорке тоже есть дерьмо.

– Там оно в основном от людей. Мне не приходится его разгребать.

Она перекадилась на бок, положив голову на руки, и изучала его лицо своими большими карими глазами.

– Я бы не хотела, чтобы ты уезжал отсюда. Это лучшее лето за всю мою жизнь.

– Я тоже. – Он чувствовал себя странно, зная, что это правда. Что его лучшим другом в это лучшее лето жизни стала девчонка.

– Наверное, ты мог бы остаться. Вдруг родители разрешат тебе жить здесь, если ты их попросишь?

– Не разрешат. – Он перевернулся на спину, наблюдая за кружащим ястребом. – Они позвонили вчера вечером и сказали, что приедут домой на следующей неделе, встретят меня в аэропорту и... Ну, они не приедут.

– А если бы встретили, что тогда?

– Не знаю.

– Ты хочешь к ним вернуться?

– Я не знаю. – Было ужасно – не знать. – Я бы хотел побывать там, а потом вернуться и еще пожить здесь. Я хочу тренировать Джонса, кататься на Дотти, играть в бейсбол и ловить рыбу. Но не меньше хочу вернуться в свою комнату, сходить в игровой зал и на игру «Янкис». – Он снова повернулся к ней. – Может быть, ты наведишь меня. Мы могли бы сходить на бейсбольный стадион.

– Не думаю, что они мне разрешат. – Ее глаза стали грустными, а нижняя губа задрожала. – Ты, наверное, никогда не вернешься.

– Вернусь.

– Клянешься?

– Клянусь. – Он вытянул мизинец для торжественной клятвы.

– Если я буду писать тебе, будешь отвечать?

– Буду.

– Каждый раз?

Он улыбнулся:

– Каждый раз.

– Значит, ты вернешься. И пума тоже. Мы увидели ее в первый же день, так что она теперь наш проводник. Она как... Я не могу вспомнить слово, но это что-то на удачу.

* * *

Он вспомнил, как Лил говорила о пуме все лето, показывала ему картинки в библиотечных книгах – и книгах, которые она купила на свои карманные деньги. Собственные рисунки с пумой она развесила в комнате, среди бейсбольных вымпелов.

В свою последнюю неделю на ферме Куп работал перочинным ножом и резцом, который ему разрешил взять дедушка. Он тепло попрощался с Дотти, Джонсом и другими лошадьми, не очень тепло – с курами. Упаковал свою одежду, сапоги и рабочие перчатки, которые купили ему дедушка с бабушкой. И свою любимую бейсбольную битку.

Как и во время той давней первой поездки на ферму Шансов, он сел на заднее сиденье и уставился в окно. Теперь все виделось иначе: огромное небо, темные холмы, которые поднимались скалистыми иглами и зубчатыми башнями, скрывая за собой леса, ручьи и каньоны.

Может быть, где-то там рыщет пума Лил.

Они свернули на дальнюю дорогу к угольям Шансов, чтобы еще раз попрощаться.

Лил сидела на ступеньках, и он понял, что она высматривала их машину на дороге и ждала их. На ней были красные шорты и голубая футболка, а волосы она закрепила сзади своей любимой кепкой. Ее мать вышла на крыльцо, стоило им подъехать, и собаки выбежали из дома, лаяли и сталкивались друг с другом на бегу.

Лил встала, ее мать спустилась и положила руку ей на плечо. Джо обогнул дом, засунув рабочие перчатки в задний карман, и встал по другую руку от Лил.

Купер запечатлел эту картину в своей памяти. Мать, отец, дочь – три самых близких человека, сгрудившиеся кучкой перед старым домом; на заднем плане холмы, долины и небо; и пара желтых от пыли собак, радостно нарезающих во дворе сумасшедшие круги.

Куп прочистил горло, выходя из машины.

– Я пришел попрощаться.

Джо первым шагнул вперед и протянул руку. Он пожал ладонь Купа и, все еще держа ее, присел, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Приезжайте к нам еще, мистер Нью-Йорк.

– Обязательно. И я пришлю вам фотографию со стадиона «Янки», когда мы завоюем вымпел.

Джо рассмеялся:

– Мечтай, сынок.

– Береги себя. – Дженна развернула его кепку козырьком назад, чтобы наклониться и поцеловать его в лоб. – И будь счастлив. Не забывай нас.

– Не забуду. – Внезапно стусевавшись, он застенчиво обратился к Лил: – Я сделал для тебя кое-что.

– Правда? Что это?

Протянув коробку, он переминался с ноги на ногу, пока она снимала крышку.

– Это так... Не то чтобы очень хорошо вышло, – сказал он, когда она уставилась на маленькую пуму, которую он вырезал из гикори⁶. – Я не смог правильно изобразить морду и...

Он прервался, ошеломленный и смущенный, когда она обняла его.

– Она прекрасна! Я всегда буду хранить ее. Подожди! – Приплясывая, она бросилась в дом.

– Это хороший подарок, Купер. – Дженна внимательно посмотрела на него. – Пума теперь принадлежит ей, она получила ее благодаря тебе и никак иначе. Значит, часть тебя всегда теперь будет с ней.

Лил выскочила из дома и остановилась перед Купом.

– Это мое главное сокровище – то есть было им до пумы. Бери. Это старинная монета, – сказала она, протягивая ему маленький кружочек. – Мы нашли ее прошлой весной, когда копали новый сад. Она старая, кто-нибудь выронил ее из кармана, наверное, давным-давно. Она вся обтрепалась, так что рисунок почти не видно.

Купер взял серебряный диск, настолько потертый, что на нем едва можно было различить изображение женщины.

– Это круто.

– Это на удачу. Это... как это называется, мама?

– Талисман, – подсказала Дженна.

– Талисман, – повторила Лил. – На удачу.

– Нам пора. – Сэм похлопал Купера по плечу. – До Рапид-Сити ехать долго.

– Счастливого пути, мистер Нью-Йорк.

– Я напишу, – отозвалась Лил. – Но только ты должен написать ответ.

– Обязательно. – Сжимая монету, Куп сел в машину. Он смотрел через заднее стекло сколько мог, смотрел, как людской островок перед старым домом уменьшается и исчезает.

Он не плакал. На секундочку, ему ведь было уже почти двенадцать лет. Но он сжимал старую серебряную монету в руке всю дорогу до Рапид-Сити.

⁶ Гикори (кария) – разновидность орехового дерева.

3

*Черные холмы
Июнь 1997 года*

Лил вела свою лошадь по тропе сквозь утренний туман. Прежде чем начать подъем вверх, они прошли через высокую траву, пересекли сверкающие воды узкого ручья, где скрывались спутанные лианы ядовитого плюща. В воздухе пахло хвоей, водой и травой, а свет мерцал нежностью рассвета.

Птицы заливались и щебетали. Лил слышала заунывную песню горного синего дрозда, хриплое чириканье соснового чижа в полете, раздраженное предупреждение пиньонской сойки.

Казалось, лес вокруг ожил, взбудораженный потоками и косыми лучами туманного света, пробивающимися сквозь полог деревьев.

Не было места в мире, которое манило бы ее сильнее.

Она обнаруживала следы, обычно олени или лосины, и фиксировала факт их нахождения записями на диктофон, лежащий в кармане куртки. До этого она находила следы бизонов и, конечно, многочисленные следы отцовского стада.

Но в этом трехдневном путешествии, которое она себе устроила, ей до сих пор так и не удалось выследить кошку.

Лил слышала ее зов накануне вечером. Крик прорвался сквозь тьму, сквозь звезды и лунный свет.

«Я здесь», – говорила она.

Пока лошадь взбиралась наверх, Лил всматривалась в близлежащие кустарники, прислушивалась к птичьим крикам, разносящимся в кронах сосен. Из зарослей душистой вишни выскочила рыжая белка, пронеслась по земле и вскарабкалась по сосновому стволу. Взглянув в небо, Лил заметила ястреба, совершавшего утренний облет.

Именно из-за этого, а также из-за величественных видов, открывающихся с вершин скал, и высоченных водопадов, низвергающихся в каньоны, она считала Черные холмы священной землей.

Лил была убеждена: если здесь не почувствовать магию, ее не найти нигде.

Достаточно было просто находиться здесь, иметь в распоряжении время, разведывать, изучать. Скоро она окажется в учебной аудитории, станет первокурсницей (боже!), очутится вдали от всего, что ей так хорошо знакомо. И хотя она горела жаждой знаний, ничто не могло заменить виды, звуки, запахи дома.

В течение многих лет ей время от времени попадалась на глаза пума – но Лил считала, что это были разные особи. Очень маловероятно, что это та самая пума, которую они с Купом заметили тем летом восемь лет назад. Она видела дикую кошку то прячущейся в ветвях дерева, то прыгающей по скале, а однажды, когда она ехала с отцом верхом, сопровождая стадо, заметила в полевой бинокль, как пума завалила молодого лося.

За всю свою жизнь Лил никогда не встречала ничего более мощного и настоящего.

Но ее интересовала и растительность. Звездчатые незабудки, нежный ирис Скалистых гор, солнечный свет желтого донника. В конце концов, это тоже была часть окружающей среды, звено пищевой цепи. Кролик, олень, лось ели травы, листья, ягоды и почки, а серый волк и представители семейства кошачьих питались кроликами, оленями и лосями.

Рыжая белка может стать обедом для кружащего ястреба.

Тропа выровнялась, и глазам Лил открылся луг – пышный, зеленый, усыпанный полевыми цветами. Здесь паслось небольшое стадо бизонов, и она включила в свой список быка, четырех коров и двух телят.

Один из телят нырнул в траву, утопал в ней – и снова поднимался над лугом с головой, усыпанной цветами и травой. Улыбаясь, Лил решила ненадолго прервать свой маршрут, чтобы достать фотоаппарат и сделать пару снимков для коллекции.

Этому теленку пошла бы кличка Тусовщик. Так она и озаглавит фотку.

У нее возникла идея отправить портрет теленка и еще пару снимков, сделанных на тропе, Купу. Он говорил, что собирается приехать этим летом. Но так ничего и не ответил на письмо, которое она отправила три недели назад.

Впрочем, он был не так пунктуален с электронной перепиской, как она. Особенно с тех пор, как начал встречаться с той студенткой из своего колледжа.

«Сиси», – подумала Лил, закатив глаза. Дурацкое имя. Она знала, что Куп спит с ней. Он не говорил об этом, более того, чертовски аккуратно избегал этой темы. Но Лил не так глупа. Она была уверена – или почти уверена, – что он спал и с той девчонкой, с которой тусил в старших классах школы.

Зоуи.

Боже, куда делись нормальные имена?

Складывалось впечатление, будто парни постоянно думают о сексе. Тем не менее в последнее время она и сама много думала об этом, призналась себе Лил, ерзая в седле.

Возможно, потому, что опыта у нее пока не было.

Ее просто не заинтересовал в этом плане никто из знакомых. Может быть, в колледже, грядущей осенью...

Не то чтобы она хотела остаться девственницей, просто не видела смысла напрягаться, если парень ей не нравился. Если он не разжигает в ней огонь, все сводится к физическим упражнениям, не так ли? К очередной галочке в списке жизненных впечатлений. Она хотела большего – или же искренне думала так.

Пожав плечами, Лил убрала камеру и достала флягу, чтобы попить. Вероятно, в колледже она загрузит себя учебой и научной работой, ей будет не до этого. А пока она здесь, в приоритете летние каникулы, документирование троп, мест обитания, работа с образцами следов и бумагами для учебы. И еще ее задача – убедить отца выделить несколько акров земли под заповедник, который она надеялась когда-нибудь построить.

Заповедник «Шанс». Лил нравилось это название, не только потому, что оно ассоциировалось с ее фамилией, но и потому, что у животных там будет шанс. А у людей будет шанс увидеть, изучить и позаботиться об их благе.

«Когда-нибудь», – думала она. Но сначала ей нужно было многому научиться, а чтобы это сделать, придется оставить то, что она любит больше всего на свете.

Она надеялась, что Куп приедет хотя бы на несколько недель, до того, как ей надо будет отправиться в колледж. Он возвращался, прямо как ее пума. Не каждое лето, но достаточно часто. Он пробыл здесь две недели следующим летом после своего первого приезда, потом – еще через год – провел здесь целых три чудесных месяца, пока его родители разводились.

Пара недель тут, месяц там... и при этом при встрече они всегда разговаривали так, будто виделись вчера. И неважно, что большую часть времени в этих разговорах он посвящал своим городским девицам. Но сейчас с момента их последней встречи прошло целых два года.

Он просто обязан был приехать этим летом.

Вздохнув, Лил завинтила крышку походной фляги.

Все, что произошло дальше, случилось слишком стремительно.

Лил почувствовала, что кобыла дрожит от страха. Она едва успела крепче сжать поводья, как из высокой травы выпрыгнула кошка. Она пронеслась как в тумане – скорость, мускулы,

бесшумная смерть – и утащила в зубах теленка с цветочным головным убором. Маленькое стадо разбежалось, раздался рев самки. Лил изо всех сил пыталась удержать свою лошадь, в то время как бык пошел в атаку на кошку.

Пума закричала в ответ и поднялась на дыбы, отстаивая свою добычу. Лил сомкнула ноги, схватившись одной рукой за поводья, и снова достала фотоаппарат.

Мелькнули когти. Даже на расстоянии Лил почувствовала запах крови. Кобыла тоже учуяла его и в панике метнулась в сторону.

– Стой спокойно! Мы ей неинтересны. Она получила что хотела.

Бок отца бизоньего семейства засочился кровью. Загрохотали копыта, над лугом носились ревущие голоса бизонов, исполненные горя. Потом все стихло, и на высокогорном лугу остались только кошка и ее жертва.

Звук, который издавала кошка, походил на мурлыканье, – но это был громкий гул в честь ее триумфа. Глядя поверх травы, она увидела Лил и замерла, не отрывая взгляда. Свободная рука девушки дрожала, но она не могла отпустить поводья, чтобы взять камеру в обе руки: это было слишком рискованно. Она сделала два нечетких снимка, запечатлев кошку, и вытопанную окровавленную траву, и мертвого теленка.

С предупреждающим шипением кошка потащила добычу в кусты, в тень сосен и берез.

– Ей нужно кормить котят, – пробормотала Лил; ее голос неуверенно дрожал и эхом разносился в утреннем воздухе. – Вот дерьмо. – Едва нащупав свой диктофон, она извлекла его из куртки. – Нужно успокоиться, просто успокоиться. Нажать на «запись» и... Вот так. Замечена самка пумы, примерно два метра в длину, от носа до хвоста. Вес около сорока килограммов. Типичный тауниновый окрас. Убила свою добычу после длительной слежки и засады. Задрала теленка бизона из стада в семь голов, пасущегося в высокой траве. Защищалась от быка. Пума утащила тушу в лес, возможно из-за моего присутствия, хотя если у этой самки есть приплод, ее детеныши, скорее всего, слишком малы, чтобы охотиться вместе с матерью. Она кормит своих детенышей, которые еще не полностью отъелись и не стали самостоятельными. Инцидент зарегистрирован... 12 июня, семь двадцать пять утра. Ух ты, вот же ж.

Как бы ей того ни хотелось, она знала, что лучше не идти по следу кошки. Если у нее есть молодняк, она вполне может напасть на лошадь и всадника, чтобы защитить детенышей и свою территорию.

– Мы не будем следовать искушению, – решила она. – Думаю, пора возвращаться домой.

Лил выбрала самый прямой путь: ей не терпелось вернуться и внести новое событие в свои заметки. Но лишь к полудню она наконец-то добралась до фермы, где увидела отца и его помощника Джея, чинивших изгородь на пастбище.

Стадо разбежалось, Лил проехала через ряды бегущего скота и остановила лошадь у старого потрепанного джипа.

– А вот и моя девочка. – Джо подошел и похлопал сначала ее по ноге, затем кобылу – по шее. – Вернулась домой из дикой местности?

– В целостности и сохранности, как и обещала. Привет, Джей.

Джей, не отличавшийся словоохотливостью, в ответ постучал по краю шляпы.

– Тебе нужна помощь? – спросила Лил у отца.

– Нет, мы справимся. Тут прошли лоси.

– Тоже видела пару их стад, а еще нескольких бизонов. И еще видела, как пума задрала теленка на одном из высоких лугов.

– Кошка?

Лил посмотрела на Джея. Выражение его лица было красноречивее всяких слов. Пума – это вредитель и хищник.

– Полдня езды отсюда. У нее достаточно добычи, чтобы прокормить ее и приплод, я думаю, она сыта. Ей не нужно спускаться и охотиться за нашим поголовьем.

– Ты в порядке?

– Я ее не интересовала, – заверила она отца. – Ты же помнишь, распознавание добычи – это выученное поведение у пумы. Люди не являются добычей.

– Эти кошачьи сожрут что угодно, если проголодаются, – пробормотал Джей. – Хитрые ублюдки.

– Думаю, бык, ведущий то стадо, солидарен с тобой. Но я не заметила никаких ее следов на обратном пути. Не похоже, чтобы она расширила территорию своей охоты.

Джей в ответ только дернул плечом и повернулся обратно к забору, а Лил улыбнулась отцу:

– Если я тебе не нужна, пойду в дом. Хочется принять душ и выпить холодненького.

– Скажи маме, что мы пробудем здесь еще пару часов.

Лил расседлала и накормила свою лошадь, выпила пару стаканов лимонада, а затем присоединилась к матери, работавшей в огороде. Взяв у Дженны мотыгу, она принялась рыхлить землю.

– Знаю, я уже говорила, но это было так удивительно. То, как скрытно она передвигалась. Я знаю, что они отлично маскируются, но одному богу известно, сколько времени пума была в засаде, преследуя стадо, выбирая добычу, поджидая нужный момент, – а я не увидела ни единого намека на происходящее. Я искала, но не нашла ни одной приметы. Нужно оттачивать свои навыки следопыта.

– И ты не испугалась?

– Она действовала так яростно и быстро. Чистая работа. Она просто поступала согласно своей сути, понимаешь? Думаю, ожидай я чего-то подобного, будь у меня время морально подготовиться, я бы восприняла все иначе.

Лил слегка вздохнула, приподняв край шляпы.

– Теленок был такой невозможно милый, еще в этом венке из цветов... Но жизнь и смерть сменили друг друга в считанные секунды. Прозвучит... прозвучит странно, но это было как религиозное действо.

Она сделала краткую передышку, чтобы вытереть пот со лба.

– Там, в моменте, я точно поняла, чем хочу заниматься и какие мне нужны знания. Я сняла все на камеру. До, во время и после.

– Милая, может быть, я слишком брезглива для фермерши, выращивающей скот, но я бы не горела желанием увидеть, как пума пожирает бизоненка.

Ухмыляясь, Лил вернулась к мотыге.

– Ты знала, чем хочешь заниматься и кем быть, когда была в моем возрасте?

– Не имела ни малейшего представления. – Присев на корточки, Дженна выдергивала сорняки вокруг зеленой моркови. Ее руки были быстрыми и умелыми, а тело длинным и гибким: дочь пошла в нее. – Но через год после того, как мне стукнуло восемнадцать, на горизонте появился твой отец. Он бросил на меня один дерзкий взгляд, и я поняла, что он мне нужен. И он уже не смог никуда деться.

– Что, если бы он захотел вернуться на восток?

– Я бы отправилась вместе с ним. Не то чтобы я сильно была привязана к этой земле. Это он привязался к ней, и, думаю, мы полюбили это место одновременно. – Дженна откинула шляпу, оглядела ряды моркови и бобов, молодые помидоры, поля зерновых и сои, пастбища. – Вот ты, мне кажется, полюбила его с первого вздоха.

– Я не знаю, куда поеду. Я так много хочу узнать и увидеть. Но я всегда буду возвращаться.

– Ловлю тебя на слове. – Дженна поднялась на ноги. – Давай мне мотыгу, иди в дом и приведи себя в порядок. Скоро приду, и вместе займемся ужином.

Лил направилась к дому, по пути отряхиваясь и сбивая шляпой дорожную пыль со штанов. Мысль о долгом горячем душе была более чем заманчивой. После того как она поможет матери на кухне, надо будет уделить немного времени тому, чтобы начать записывать свои заметки и наблюдения. А завтра – отвезти пленку в город и проявить ее.

В ее списке вещей, на которые нужно накопить, была новая цифровая камера. «И ноутбук», – мысленно добавила она. Заработанная стипендия станет ее подспорьем в университете, но Лил знала, что она не покроет всех расходов.

Плата за обучение, жилье, лабораторные работы, книги, транспорт. Все вместе складывалось в немалую сумму.

Лил уже почти подошла к дому, когда услышала рев мотора. Звук явно раздавался на их территории. Не заходя внутрь, она обошла дом, чтобы посмотреть, кто приехал и поднял такой шум.

Она подбоченилась, увидев мотоцикл, с ревом несущийся навстречу ей по фермерской дороге. Мотоциклисты регулярно ездили по окрестностям, особенно летом. Время от времени один или несколько заглядывали к ним в поисках объездной дороги или временной работы. Большинство приближаются более осторожно, отметила она, а этот несется вперед так уверенно, как будто...

Шлем и козырек скрывали его волосы и большую часть лица. Но она заметила мелькнувшую ухмылку, и эта ухмылка была ей очень хорошо знакома. Засмеявшись, Лил помчалась вперед. Он припарковал мотоцикл позади грузовика Джо, перекинул ногу через сиденье и отстегнул шлем. Положив шлем на сиденье, он развернулся – как раз вовремя, чтобы поймать ее в объятия на лету.

– Куп! – Она крепко держалась за него, пока он кружил ее над землей. – Ты приехал!

– Я же сказал, что приеду.

– Ты сказал, что *собираешься*. – Стоило ей стиснуть его в объятиях, как по телу разлилось странное тепло. Его присутствие ощущалось теперь по-другому. Его тело и прикосновения стали более твердыми, жесткими на ощупь, навевающими мысли не о мальчишке, но о мужчине.

– *Собирался и смог*. – Он поставил ее на ноги и, все еще ухмыляясь, посмотрел на нее. – Ты подросла.

– Немного. Думаю, я уже не расту. Как и ты.

Да, он определенно стал выше и тверже в мышцах – а щетина, которую он не сбрасывал уже день или два, добавляла ему сексуальности, на взгляд Лил. Его волосы, отросшие с момента их последней встречи, вились и развевались вокруг лица, так что взгляд холодных голубых глаз казался еще более ясным и пронзительным.

В ее теле запульсировал жар.

Взяв Лил за руку, он повернулся, чтобы осмотреть дом.

– Он выглядит так же. Новая краска на ставнях, но он все тот же, что и прежде.

«Зато ты другой», – подумала она.

– Как давно ты вернулся? Никто не говорил мне, что ты здесь.

– Я здесь примерно с минуту. Я позвонил бабушке и дедушке, когда добрался до Сиу-Фолс, но попросил их не говорить вам. – Отпустив руку Лил, он обнял ее за плечи. – Я хотел сделать тебе сюрприз.

– У тебя получилось, правда!

– Я заехал сюда, прежде чем направиться к ним.

Наконец-то Лил с уверенностью могла сказать: все, о чем она мечтала, все самые сокровенные желания воплотятся для нее этим летом.

– Проходи, выпьем лимонаду. Когда ты успел купить эту штуку?

Он оглянулся на мотоцикл:

– Почти год назад. Я подумал, что если сумею доехать до вас этим летом, то будет здорово прокатиться по пересеченной местности.

Он остановился перед входом и наклонил голову, изучая ее лицо.

– Что?

– Ты выглядишь... классно.

– Нет. – Она тряхнула волосами, спутавшимися под шляпой. – Я только что вернулась с тропы. Запашок от меня еще тот. Если бы ты пришел сюда на полчаса позже, я бы успела помыться.

Он продолжал смотреть ей в лицо.

– Ты отлично выглядишь. Я скучал по тебе, Лил.

– Я знала, что ты вернешься. – Поддавшись порыву, она снова обняла его и закрыла глаза. – Я должна была догадаться, что это будет сегодня, когда увидела пуму.

– Что?

– Я тебе все расскажу. Заходи в дом, Куп. Добро пожаловать домой.

Как только родители вошли в дом, поприветствовали Купа и уселись поболтать с ним, Лил бросилась наверх. Долгий горячий душ ее мечты превратился в самый быстрый душ в истории. Двигаясь со скоростью света, она достала свой скромный запас косметики. «Ничего бросаю», – приказала себе. Легкими движениями нанесла румяна, чуть-чуть подтемнила ресницы тушью и подчеркнула линию губ мерцающим блеском. Поскольку на сушку волос ушла бы целая вечность, она собрала их, еще влажные, в хвост.

Подумав, не надеть ли серьги, тут же отмела этот вариант: слишком вычурно. Чистые джинсы, свежая рубашка, решено. Естественно, непринужденно.

Ее пульс напоминал марширующий оркестр.

Это было странно, дико, неожиданно. Но она была равнодушна к своему лучшему другу.

Вроде бы Куп был тот же, что и прежде, но при этом изменился, внешне – точно. Его темно-каштановые, небрежно взлохмаченные волосы начали потихоньку выгорать на солнце – это было секси. Он и сам начал покрываться загаром – Лил помнила, как быстро схватывает коричневый его кожа. А его глаза, ледяные, льдисто-голубые, открывали в ней какие-то неизведанные дали...

Она пожалела, что не поцеловала его. Это был бы дружеский, невинный поцелуй, ничего более. Тогда бы она узнала, каково это – встретиться губами с его ртом.

«Успокойся», – приказала она себе. Куп, наверное, рассмеется, если узнает, о чем она думает. Она сделала несколько глубоких вдохов, затем медленно спустилась по лестнице.

Она слышала их разговор на кухне: смех матери, шутливые нотки в репликах отца и ответы Купа. Его голос теперь звучит ниже, не так ли?

Лил пришлось остановиться и снова сделать глубокий вдох. Затем, изобразив на лице легкую улыбку, она зашла на кухню.

Куп осекся на середине фразы и уставился на нее. Моргнул. От удивления, на миг мелькнувшего в его глазах, ее бросило в дрожь, и она спросила:

– Так ты останешься на ужин?

– Мы пытались уговорить. Но Люси и Сэм ждут его. В воскресенье как штык, – сказала Дженна, шутливо грозя пальцем. – В воскресенье все собираются на пикник.

– Конечно. Все еще помню наш первый пикник. Мы можем устроить пару тренировок с мячом.

– Спорим, я все еще могу тебя переиграть. – Лил прислонилась спиной к кухонной стойке и улыбнулась так, что он снова моргнул.

– Это мы еще посмотрим.

– Я надеялась прокатиться на той игрушке, которую ты припарковал во дворе.

- «Харлей», – произнес он суровым отрезвляющим тоном, – вовсе не игрушка.
- Покажешь, на что он способен?
- Конечно. В воскресенье я...
- Я думала, сейчас. Мы же можем отлучиться, не так ли? – Она повернулась к матери. –

На полчаса?

- Хм... У тебя есть шлемы, Купер?
 - Да, я купил второй... Как раз.
 - Сколько штрафов ты набрал, катаясь на нем? – спросил Джо.
 - Ни одного за последние четыре месяца, – ответил Купер с ухмылкой.
 - Верни мою девочку целой и невредимой.
 - Верну. Спасибо за чай, – сказал он, поднимаясь. – Увидимся в воскресенье.
- Дженна наблюдала за тем, как они выходят, затем глянула на мужа.

- Ох, – только и сказала она.
- Я бы добавил: «Вот черт», – слабо улыбнулся он.

Оказавшись на улице, Лил рассмотрела шлем, который вручил ей Купер.

- Так ты научишь меня водить эту штуку?
- Может быть.

Надев и застегивая шлем, Лил не сводила с Купа внимательных глаз.

- Я в состоянии справиться с этим.

– Да я уверен, что ты справишься. – Он сел за руль. – Я думал о том, чтобы взять девчачье сиденье, но...

– Мне не нужно девчачье сиденье, – сказала она и села позади него. Прижалась к нему всем телом, обхватила руками его талию. Чувствует ли он, как колотится ее сердце? – Погнали, Куп!

Как только мотоцикл рванул вдоль по фермерской дороге, Лил издала крик восторга.

- Это почти так же здорово, как ездить верхом! – крикнула она.

– На трассе еще лучше! Наклоняйся на поворотах, – сказал он ей, – и крепко держись за меня.

Лил улыбнулась – она сделала бы так и без его подсказки.

* * *

В свете солнца, проникавшего в оконца чердака, Куп взвешивал зерно. Он слышал, как напевала его бабушка, кормя кудахчущих кур. Из стойл доносилось фырканье и чавканье лошадей.

Забавно, как все вернулось – запахи, звуки, игра света и тени. Прошло два года с тех пор, как он кормил лошадей и ухаживал за скотом, с тех пор, как он в последний раз уютно устраивался на рассвете за большим кухонным столом у тарелки с оладьями.

Ощущение, что это было вчера.

Это постоянство утешало на фоне множества крутых перемен в его жизни. Куп вспомнил, как много лет назад они лежали с Лил на плоском камне у ручья и она так уверенно говорила ему, что знает, чего хочет. Это не изменилось в ней и по сей день.

А вот он до сих пор не нашел себя.

Дом, поля, холмы были такими же, какими он их оставил. Его бабушка и дедушка тоже. Неужели он действительно считал их старыми все эти годы? Сейчас они казались ему такими крепкими и устойчивыми, как будто прошедшие восемь лет не коснулись их.

А вот Лил они точно коснулись.

Когда это она успела стать такой... классной?

Еще два года назад она была обычной Лил. Красивой, конечно, красота всегда была при ней. Но он едва ли думал о ней как о девушке. Пожалуй, так он думал о ней в последнюю очередь.

О девушке с такой фигурой, губами... и глазами, от взгляда которых у него дух захватывало.

Неправильно было думать о ней вот так. Наверное. Они были друзьями, лучшими друзьями. Куп не должен был замечать, что у нее есть грудь, и уж тем более заикливаться на том, как эта грудь прижимается к его спине, пока они мчатся по дороге на его мотоцикле.

И какая эта грудь упругая, мягкая и соблазнительная.

И уж точно неправильно было видеть эротические сны с ее участием, в которых он держал в своих руках эту грудь и всю Лил целиком.

Но он видел такие сны. Уже дважды.

Он взнуздal годовалого жеребенка, как просил дед, и выпустил его – точнее, ее, потому что это была кобылка – в загон, чтобы объездить.

Когда поголовье было накормлено и напоено, а яйца собраны, пришла Люси и присела на заграждение, чтобы понаблюдать за объездкой.

– А она с характером, – заметила бабушка, когда кобылка подняла задние ноги.

– Энергии хоть отбавляй. – Куп поменял поводья и повел кобылку по кругу.

– Уже выбрал ей имя?

Куп улыбнулся. Со времен Джонса повелась традиция каждый сезон давать имя годовалому жеребенку, независимо от того, доехал Куп до фермы или нет.

– У нее такая красивая пятнистая масть. Думаю, ее будут звать Веснушка.

– Ей идет. У тебя талант давать имена лошадям, Купер. Что ни кличка, все удачная.

– Я скучаю по ним, когда я на востоке.

– А когда ты здесь, ты скучаешь по востоку. Это вполне естественно, – продолжала она, когда Куп замолчал. – Ты молодой. Еще не остепенился.

– Мне почти двадцать, бабушка. Мне кажется, я уже должен знать, что мне нужно. Черт, в моем возрасте ты уже была замужем за дедушкой.

– Это были другие времена, да и жизнь здесь была другой. Нынешние двадцатилетние в чем-то резвее, в чем-то медлительнее. У тебя есть время, чтобы все уладить.

Он снова посмотрел на бабушку – крепко сбитаая, укоротила немного вьющиеся волосы, морщины вокруг глаз стали глубже, но она все та же. Неизменно верна себе – неизменным осталось и то, что он всегда мог высказать все, что у него на уме или на душе, и знать, что она его выслушает.

– Ты жалеешь, что у тебя не было больше времени?

– Я? Нет, ведь в итоге я здесь – сижу на этом заборе и смотрю, как мой внук тренирует эту красивую кобылку. Но мой путь не похож на твой. Я вышла замуж в восемнадцать, родила первого ребенка, когда мне еще двадцати не стукнуло, и за всю свою жизнь не побывала почти нигде дальше востока Миссисипи. У тебя своя история, Купер.

– Только вот я не знаю какая. Первый? – Он оглянулся на нее. – Ты сказала «первый ребенок».

– Мы потеряли двоих после твоей мамы. Это было тяжело. И до сих пор тяжело. Думаю, именно поэтому мы с Дженной так быстро сблизились. После Лил она родила мертвого ребенка, потом был выкидыш.

– Я не знал.

– Всякое случается, а жизнь продолжается. Жить – это все, что остается. Если тебе повезет, ты извлечешь из этого какую-то пользу. У меня есть ты, не так ли? А у Дженны и Джосайи есть Лил.

– Вот Лил, похоже, точно знает, чего хочет от жизни.

– Девочка далеко пойдет.

– А как у нее с... – Он решил действовать наудачу: – Она с кем-нибудь встречается? В смысле – с парнем.

– Я поняла, что ты имеешь в виду, – резко сказала Люси. – Ни о ком конкретном я не слышала. Младший Нодок активно прошупывал почву, но не похоже, чтобы Лил была сильно заинтересована.

– Нодок? Галл? Господи, ему же двадцать два или двадцать три уже. Он староват для Лил.

– Не Галл, а Джесс. Его брат. Он моложе. Примерно твоего возраста. Составил бы ему конкуренцию, а, Купер?

– Я? В плане с Лил? Нет. – «Дерьмо, – подумал он. – Вот дерьмо». – Мы друзья, вот и все. Она мне почти как сестра.

Люси постучала каблуком сапога по забору.

– Мы с твоим дедушкой начинали с дружбы. Хотя я не припомню, чтобы он когда-нибудь считал меня сестрой. Ну а Лил, как я уже и сказала, далеко пойдет. У нее большие планы.

– Они у нее были всегда.

Закончив работу, Куп подумывал, какую бы лошадь оседлать для долгой прогулки по сложной дороге. Он хотел бы взять Джонса, но тот годовалый малыш, которого он когда-то помогал тренировать, стал одной из звезд туристического бизнеса бабушки и дедушки.

Он взвешивал варианты и уже почти остановился на крупном чалом мерине по кличке Тик, когда увидел Лил, идущую к загону.

Стыдно было бы признаться в этом, но от ее вида во рту у него пересохло.

На Лил были джинсы и ярко-красная рубашка, потертые ботинки и поношенная, с широким плоским ободком, серая шляпа, из-под которой рассыпались длинные черные волосы.

Подойдя к ограде, Лил постучала по седельной сумке, перекинутой через плечо.

– У меня тут еда для пикника, хочу поделиться. Интересно?

– Может быть.

– Мне нужно одолжить у вас лошадь. Меняю холодную курочку гриль на скакуна.

– Выбирай.

Склонив голову к плечу, Лил кивком указала на одну из лошадей:

– Мне нравится эта пегая кобыла.

– Возьму тебе седло и скажу своим.

– Я уже говорила с ними. Они не против. У нас есть еще время. Можно много всего придумать. – Она перекинула седельную сумку через забор. – Я знаю, где у вас лежит снаряжение. Лучше седлай свою лошадь.

Пусть даже они друзья, Куп не видел ничего плохого в том, чтобы любоваться ее походкой или замечать, как джинсы подчеркивают ее фигуру.

Они принялись за работу в ритме, хорошо знакомом им обоим. Когда Куп поднял ее седельную сумку, он поморщился.

– Многовато курицы.

– У меня там диктофон, камера и... всякое такое. Ты же знаешь, я люблю записывать, когда иду по следу. Я подумала, что мы могли бы отправиться к ручью и свернуть на одну из тропинок через лес. Проскачем по дороге, а потом будет красивый пейзаж.

Он бросил на нее понимающий взгляд.

– Территория пум?

– Пара, которую я недавно выследила, покрывает эту территорию. Но дело не в этом. – Она улыбнулась, садясь в седло. – Там просто красивая дорога, и в месте, где начинается густой лес, есть ручей. Хорошее место для пикника. Правда, это в часе езды отсюда, вдруг ты хочешь что-то поближе.

– Я могу нагулять аппетит за час. – Он вскочил на лошадь, поправил шляпу на голове. – В какую сторону?

– На юго-запад.

– Поехали.

Куп дал мерину легкий толчок. Они понеслись галопом через двор и поля.

Было время, подумала Лил, когда она была лучшей наездницей, причем с большим отрывом. Теперь ей пришлось признать, что они были на равных. Кобыла давала ей преимущество – она была легкой и быстрой, и, опередив Купа меньше чем на шаг, Лил, с развевающимися волосами, первой поравнялась с гусей деревьев.

Смеясь, с сияющими глазами, она наклонилась вперед, чтобы похлопать кобылу по шее.

– И на ком же ты едешь верхом в Нью-Йорке?

– Я не езжу там верхом.

Она выпрямилась в седле.

– Хочешь сказать, ты два года не катался?

Он пожал плечами.

– Лошадь или мотоцикл – без разницы.

– Нет, разница есть. Как ты... – Она запнулась, покачала головой и начала уводить лошадь в сторону сосен.

– Как я что?

– Ну как ты можешь не заниматься тем, что тебе нравится?

– Мне много чего нравится.

– Например?

– Ездить на мотоцикле, тусоваться, слушать музыку.

– Бегать за девушками.

Он ухмыльнулся.

– К счастью, не очень-то быстро они бегают.

Она тоже хмыкнула.

– Держу пари, что нет. Как Сиси относится к тому, что ты здесь все лето?

Он снова пожал плечами, когда они пересекли равнину, окаймленную деревьями и валунами.

– Между нами ничего серьезного. У каждого своя жизнь.

– Я думала, вы двое близки.

– Не особенно. Я вот слышал, что ты встречаешься с Джессом Нодоком.

– Боже, нет! – Откинув назад голову, она рассмеялась. – Он довольно милый, но немного глупый. К тому же все, что его на самом деле интересует, – физические упражнения...

– Упражнения? Чего... – Что-то темное прокралось в его глаза. – Ты имеешь в виду – с тобой? Ты занималась *этим* с Нодоком?

– Нет. У нас была пара свиданий. Мне не очень понравилось, как он целуется. На мой вкус, немного небрежно. Ему нужно попрактиковаться в технике.

– Разбираешься в технике?

Она бросила на него взгляд, медленно улынулась.

– Провожу неофициальное исследование. Смотри.

Когда они поравнялись, Лил протянула руку, чтобы коснуться его руки, затем указала пальцем вперед. Вдали за деревьями проходило стадо оленей; животные остановились и смотрели на них. Лил достала свой диктофон.

– Шесть белохвостых, четыре лани, два олененка. Правда, милые? Недавно здесь проходил самец.

– Откуда ты знаешь?

– Посмотри на кору. Следы царапин оттого, что самец терся рогами. Кое-что из этого свежее, мистер Нью-Йорк.

«Снова знакомые ощущения», – подумал он. Ехать с ней, слушать, как она анализирует следы, смотреть с нею на диких животных, удивляться подмеченным ею знакам. Ему этого не хватало.

– Что еще ты видишь?

– Следы сурка и оленя. Вон на том дереве сидит белка. У тебя и самого есть глаза.

– Не такие, как у тебя.

– А вот здесь проходила кошка, но следы не свежие.

Он смотрел на нее и только на нее. Он не мог оторвать свой взгляд от солнечных лучей, падавших на ее лицо, и от этих темных глаз, столь живых и пристальных.

– Ладно, расскажи, как ты поднаторела в этом?

– В чтении следов когтей? Их оставила пума, но они давние: вероятно, самец пометил свою территорию в прошлый брачный сезон. Он пошел дальше, по крайней мере пока. Они не остаются с самкой и не живут со стаей. Потрахалясь, справил нужду и отправился в путь. Вся мужская суть.

– Так вот что ты там наисследовала!

Рассмеявшись, она потрепала кобылу по шее.

4

Было легко снова войти в привычную колею – и в зону комфорта. Жаркие дни, тяжелая работа, внезапный налет урагана. Почти каждую свободную минуту Лил проводила с Купом – верхом или в походе, отбивая мячи или совершая поездки с ветерком на его мотоцикле. Она лежала с ним на траве и считала звезды, сидела на берегу ручья и устраивала пикники.

А он так и не сделал ни шагу.

Лил не понимала этого. Она едва взглянула на Джесса, а он уже был весь поглощен ею. Дерек Плезант тоже, хотя она всего лишь прокатилась с ним пару раз на колесе обозрения на карнавале прошлым летом.

Она знала, каким взглядом парень смотрит на девушку, которую желает. Она готова была поклясться, что и Куп смотрел в ее сторону точно таким же взглядом.

Так почему же он не переходит к активным действиям?

Очевидно, пришло время взять быка за рога.

Она осторожно проехала на мотоцикле почти до конца фермерской дороги.

Сконцентрировалась, бормоча себе под нос инструкции на повороте, а затем поехала обратно к тому месту, где стоял Куп, наблюдая за ней.

Она следила, чтобы скорость была на приемлемой отметке, потому что пару раз, когда она выжимала из двигателя полную мощность, Куп очень злился.

– Так, я уже шесть раз туда-обратно скаталась. – Лил не глушила двигатель, несмотря на дрожащие руки. – Я должна потренироваться на трассе, Куп. Садись, давай прокатимся.

– Ты чуть не бросила руль на повороте.

– «Чуть» не считается.

– На моем мотоцикле считается. Я все еще плачу за него. Хочешь прокатиться, я поведу.

– Давай. – Она слезла, сняла шлем. Намеренно откинула назад волосы, прежде чем взять у него бутылку с колой, чтобы сделать глоток. Посмотрела знойным взглядом, который отрабатывала перед зеркалом. – Миля туда, миля обратно. – Улыбаясь, она провела пальцем по его шее и придвинулась чуть ближе. – Прокатимся по прямой, и... Проведем вместе время так, что ты не пожалеешь.

Его глаза сузились.

– Что ты делаешь?

Она наклонила голову.

– Если ты спрашиваешь, значит, я делаю что-то неправильное.

Он не отступил, а она не убрала руку, которая лежала на его груди. Его сердцебиение слегка ускорилось. Несомненно, это был хороший знак.

– Поосторожнее, когда так подходишь к парням, Лил. Не все будут вести себя как я.

– Я подхожу так только к тебе.

В его глазах вспыхнул гнев – она на это не рассчитывала.

– Я не твой тренировочный манекен.

– Я и не тренировалась на тебе. Но, думаю, тебе это неинтересно. – Пожав плечами, она поставила бутылку с колой на сиденье мотоцикла. – Спасибо за урок. – Оскорбленная и смущенная, она двинулась к воротам.

Видимо, ему просто нравятся городские фифы с их замашками. Недаром он мистер Нью-Йорк. Ну и ладно, ну и прекрасно, он ей не нужен...

Его рука схватила ее за руку, и он развернул ее к себе так резко, что она всем телом впечаталась в него. Он завелся так же, как и она.

– Что, черт возьми, с тобой не так? – раздраженно спросил он.

– Это с тобой что не так? Ты не доверяешь мне проехать и пары миль на своем дурацком мотоцикле, ты не хочешь меня поцеловать. Ты ведешь себя так, будто мне все еще девять лет. Если тебе это не сдалось, то ты должен просто сказать об этом, а не...

Он притянул ее к себе и прижался к ее рту своим. Сильно и стремительно. «Все не так, как с другими», – подумала она, и у нее закружилась голова. Ничего похожего у нее не было ни с одним из парней.

Его губы были горячими, а язык быстрым. Что-то внутри нее ослабло, словно узел развязался, и каждый дюйм ее тела – внутри и снаружи – вспыхнул светом и жаром.

Казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди.

Она оттолкнула его, пытаясь перевести дыхание.

– погоди... постой...

Все вокруг стало ярким и резким. Ослепительным. «Зачем дышать», – подумала она и прыгнула обратно в его объятия с силой, которая повалила их обоих на землю.

Близость с ней заставила замереть его сердце. Он мог бы поклясться, что оно перестало биться, когда он обезумел от чувств и поцеловал ее. На мгновение все стало похожим на смерть, а потом снова ожило.

Внезапно он обнаружил, что они катятся вместе по грунтовой дороге, затем – резко очутились на обочине, в колючей траве. Все его тело – особенно внизу – жестоко затвердело, поэтому, когда она приподняла бедра и прижалась к нему, он застонал от удовольствия и муки.

– Больно? На что это похоже? – Ее слова обрывались на неровных вдохах. – Дай мне почувствовать...

– Господи. Не надо. – Он схватил ее руку, уже готовую жадно исследовать его тело. Спустя еще минуту он понял, что сейчас просто перестанет себя сдерживать и сделает то, о чем они оба потом могут пожалеть.

Он оттолкнулся ногами, чтобы сесть на дорогу; его сердце пульсировало в ушах.

– Что мы делаем?

– Ты хотел меня поцеловать. – Она села рядом с ним. Ее глаза расширились, их взгляд стал еще темней и глубже. – И ты хочешь большего.

– Послушай, Лил...

– Я хочу того же. Ты будешь у меня первым. – Она улыбнулась, когда он уставился на нее. – Так правильно. Я ждала, пока не убедилась в этом.

Что-то похожее на панику промелькнуло на его лице.

– Ты не сможешь отмотать время назад и вернуть все как было, если это произойдет.

– Ты хочешь меня. Мы оба хотим друг друга. Мы разберемся с этим. – Она наклонилась вперед и нежно прильнула губами к его губам, пробуя новое. – Мне понравилось, как ты меня поцеловал, так что мы двинемся дальше.

Он покачал головой, и паника сменилась озадаченным смешком.

– Это я должен был уговаривать тебя заняться сексом.

– Ты не смог бы меня ни на что уговорить, если бы я этого не хотела.

– Это уж точно.

Она снова улыбнулась, начала склонять голову на его плечо... А затем в мгновение ока вскочила на ноги.

– Боже, ты только взгляни на небо! Там, на севере.

Надвигалась буря. Куп поднялся на ноги и схватил ее за руку.

– Идем в дом.

– Она за несколько миль от нас. Достаточно далеко. Но она себя покажет. Вон там!

Воронка вихрем вырвалась из клубящейся массы, закручивая свой путь к земле как смертоносный черный палец.

– Там же бабушка с дедушкой.

– Нет, воронка в нескольких милях от нас и движется на запад, в Вайоминг. У нас здесь даже ветра почти нет.

– Может повернуть. – У него на глазах буря прогрызла себе дорогу в древесной чащобе.

– Да, но этого не случится. Не повернет. Смотри, смотри, Куп, видишь стену дождя? Там радуга.

Куп задумался: она видела радугу, а он – черную воронку, пробивающую себе путь через равнину.

Пожалуй, это что-то говорило о них обоих.

* * *

Прислушиваясь к звукам за дверью спальни Лил, Дженна собиралась с духом, чтобы войти. Полоска света под дверью подсказала ей, что дочь еще не спит. Она надеялась, что к моменту, когда она закончит прибираться в доме, свет погаснет.

Она постучалась к Лил и открыла дверь, как только дочь пригласила ее войти.

Лил сидела в кровати, ее волосы рассыпались по плечам, она успела умыться на ночь и приготовить ко сну; в руках она держала толстую книгу.

– Уже занимаешься?

– Это учебник по экологии и охране природы. Я хочу быть подготовленной, когда начнутся занятия. Нет, я хочу быть на голову выше всех, – призналась Лил. – Первокурсник должен быть действительно хорош, чтобы иметь шанс на серьезную полевую работу. Так что я собираюсь очень хорошо себя зарекомендовать. Я уже чувствую себя конкурентоспособной.

– Твой дедушка был таким же. Он всегда и во всем хотел быть первым, будь то подковы или торговля лошадьми, политика или игра в пинокль⁷. – Дженна села на край кровати. «Такая юная», – подумала она, глядя на дочь. Во многих отношениях она еще ребенок. И все же...

– Ты хорошо провела время сегодня вечером?

– Конечно. Знаю, многие мои ровесники считают, что танцы в амбаре – это вульгарщина какая-то, но на самом деле это весело. Приятно смотреть на всех. И мне нравится смотреть, как вы с папой танцуете.

– Музыка была хорошая. Ноги сами в пляс идут. – Она посмотрела на открытую книгу, увидела какую-то странную алгебру. – Что это такое?

– О, это объяснение уравнений для измерения плотности популяции видов. Видишь эту формулу? Вот так выводится объединенная оценка, то есть среднее значение для отдельных территорий. А ее дисперсия – это среднее от... – Она не договорила и улыбнулась: – Тебе правда интересно?

– Помогала ли я тебе с математикой после того, как ты прошла деление?

– Нет.

– Вот ты и ответила на свой вопрос. Сегодня ты не то чтобы много танцевала...

– Нам нравилось слушать музыку, и на улице было так хорошо.

«И стоило тебе зайти в помещение, налицо был твой затуманенный счастьем взгляд и гордый вид – вид девчонки, всерьез занятой поцелуями», – усмехнулась Дженна.

Бог с ними, с поцелуями... лишь бы дело на первых порах ограничилось ими!

– Вы с Купером больше не просто друзья.

Лил выпрямилась.

– Это так. Мама...

⁷ Популярная американская карточная игра.

– Ты знаешь, что мы любим его. Он хороший парень, и я знаю, что вы двое очень дружны. А еще я знаю, что вы уже не дети и, когда дружба перестает быть просто дружбой и перерастает в нечто большее, случается всякое. Секс, например, – уточнила Дженна, велев себе не трусить.

– Этого не было. Пока.

– Хорошо. Это очень хорошо, потому что если это случится, я хочу, чтобы вы оба были готовы и в безопасности. – Сунув руку в карман, она достала упаковку презервативов. – Для защиты.

– Ох. – Лил вытаращилась на упаковку: ее она ожидала увидеть в руках матери меньше всего. – О. Эм.

– Некоторые девочки считают, что думать о предохранении – обязанность мальчика. Моя девочка умная и сознательная, а значит, сама будет заботиться о себе и полагаться будет тоже на себя. Мне бы очень хотелось, чтобы ты повременила с этим, для твоего же блага. Но если даже не захочешь ждать, пообещай мне, что будешь предохраняться.

– Я буду. Обещаю. Я хочу быть с ним, мама. Когда я... когда мы с ним вдвоем, я чувствую такое... столько всего, – неубедительно сказала она. – Что-то творится в моем сердце, и в животе, и в голове. Все трепещет вокруг, так что я едва могу дышать. И когда он целует меня, я чувствую, что все идет как надо. Я хочу быть с ним, – повторила она. – Он держит дистанцию, потому что не уверен, что я действительно готова. Но я готова.

– Твои слова – повод для меня намного лучше относиться к нему. Мне важно знать, что он не давит на тебя.

– Думаю, все как раз наоборот.

Дженна слабо рассмеялась.

– Лил, мы уже говорили с тобой о многом: о сексе, предохранении, о взаимной ответственности и о чувствах. И ты многое знаешь сама, ты же выросла на ферме. Но если ты в чем-то не уверена или если тебе будет нужен совет, я отвечу на любой твой вопрос.

– Хорошо. Мам, а папа знает, что ты даешь мне презервативы?

– Да. Мы говорили об этом. Ты знаешь, что и с ним можешь все обсудить, но...

– О да, большое «но»! Это было бы очень странно.

– И неловко для вас обоих. – Дженна похлопала Лил по бедру, поднимаясь. – Не засиживайся допоздна.

– Не буду. Мам? Спасибо, что любишь меня.

– И всегда буду.

* * *

«Положись на себя, – подумала Лил. – Мама права, как всегда», – кивнула она, упаковывая провизию. У женщины должен быть план, это ключ на пути к успеху. Что делать, когда и как. Она все предусмотрела. Возможно, Куп не будет до конца подготовлен, но в ее плане есть и этот важный пункт: элемент неожиданности.

Она положила вещи в грузовик, благодарная за то, что родители уехали в город, так что ей не придется краснеть за то, чего они не выскажут ей вслух.

Ей было интересно, знают ли бабушка и дедушка Купа о том, что происходит на самом деле. Она решила не спрашивать об этом свою мать. Слишком неловко.

«Неважно, неважно», – думала она, пока вела машину и ветер дул в открытые окна. У нее было три свободных дня. Возможно, последние свободные деньки, что выдадутся за это лето. Еще через несколько недель она отправится на север, в университет. И начнется новый этап ее жизни.

Но она не собиралась уезжать, не завершив дела на нынешнем этапе.

Она думала, что будет нервничать, но ничего подобного. Приятная взбудораженность и эйфория не оставили места другим переживаниям. Она знала, что нужно делать – в теории, – и была готова применить это на практике.

Лил включила радио и подпевала, пока грузовик вез ее по холмам, мимо аккуратных ферм и пастбищ. Она видела мужчин, чинивших заборы, и одежду, развевающуюся на веревках. По пути, не удержавшись, сделала остановку, чтобы заснять большое стадо бизонов и черкануть парочку быстрых заметок.

Она приехала на ферму вовремя: Куп как раз садился в седло. Она пристегнула свой выюк, схватила второй, затем свистнула ему.

– Что это такое? – спросил Купер.

– Небольшой сюрприз, – сказала она, когда он подошел, чтобы помочь.

– Да этого провианта на неделю хватит! Мы же едем на несколько часов.

– Ты поблагодаришь меня позже. Где все?

– Бабушке и дедушке пришлось отлучиться в город. Они должны скоро вернуться, но сказали не ждать, если мы уже готовы выдвигаться.

– Поверь мне, я готова. – Она хранила свой волнующий секрет внутри себя. – Кстати, я сегодня разговаривала со своей соседкой по комнате в колледже. – Лил проверила застёжки на седле кобылы. – Мы получили места в общежитии, и она позвонила, просто чтобы обсудить всякие мелочи. Она из Чикаго, будет изучать животноводство и зоологию. Думаю, мы поладим. Я надеюсь. Я никогда раньше не делила с кем-то комнату.

– Скоро узнаешь, что это такое.

– Ага. – Она взобралась на лошадь. – Совсем скоро. Тебе нравится твой сосед по комнате?

– Сколько я его помню – уже почти два года, – он все время под кайфом. Никогда не доставлял проблем.

– Я надеюсь завести друзей. Некоторые люди заводят в колледже друзей, с которыми дружат до конца жизни. – Они двигались в легком темпе, не спеша, под широким голубым небом. – А ты сам был под кайфом?

– Пару раз, и мне хватило. В тот момент казалось, что это отличная идея, и у нас как раз была трава. Он такой: «Чувак, поджигай», – сказал Куп наигранным тоном укурка, который заставил Лил рассмеяться. – Ну почему бы и нет? Какое-то время все вокруг казалось таким смешным и плыло. Потом я проголодался, и у меня разболелась голова. Мне показалось, что оно того не стоит.

– Ты снова делишь с ним комнату в этом семестре?

– Он отчислился, вот так сюрприз.

– Придется подыскать нового соседа.

– Я не собираюсь возвращаться.

– Что? – От неожиданности Лил остановила лошадь, надеясь взглянуть ему прямо в лицо, но Куп продолжал ехать. Она пустила кобылу рысью вдогонку. – Что значит – не собираешься возвращаться? Возвращаться на восток?

– Нет, обратно в колледж. Хватит.

– Но ты только... ты едва начал... Что случилось?

– Ничего. В этом-то все и дело. Я ничего не добился, и это однозначно не то место, куда я хотел попасть. Вся эта хрень с преддипломной практикой была сделкой с моим отцом. Он будет платить до тех пор, пока я пляшу под его дудку. Я больше не играю по его правилам.

Она знала, как проявляется его гнев, – сжимается челюсть, глаза горят. Ей были знакомы его вспыльчивость и готовность к драке.

– Я не хочу быть адвокатом, особенно таким корпоративным истуканом в итальянском костюме, которого он пытается слепить из меня. Черт возьми, Лил, я потратил первую половину своей жизни, пытаюсь угодить ему, пытаюсь заставить его обратить на меня внимание,

чтобы ему было не все равно. И что мне это дало? Единственная причина, по которой он оплатил колледж, это потому, что это якобы его долг, но все должно было быть так, как он хочет. И он злился, что я не поступил в Гарвард. Надо же, подумать только!

– Ты мог бы поступить в Гарвард, если бы захотел.

– Нет, Лил. – Он посмотрел на нее мрачным взглядом исподлобья. – Это ты могла бы. Ты же гений, отличница.

– Ты тоже умный.

– Если это и так, то я умен каким-то другим умом. Не тем, какого требуют в школе. Или это просто не моя дорога. Здесь все проходит гладко, все отлично. И я чертовски ненавижу это, Лил.

Он снова был злым и грустным – прямо как в их первую встречу. В его глазах снова печаль и злость...

– Ты никогда не говорил...

– А смысл? Я чувствовал, что завяз в этом по уши. Он может заставить тебя чувствовать, что у тебя нет выбора, что он прав, а ты нет. И, господи, он знает, как заставить тебя подчиниться. Вот почему он хороший профи. Но я не хочу делать то, что делает он. Быть таким, как он. Я начал думать о том, сколько лет мне придется потратить на то, чтобы стать тем, кем я не хочу становиться. С меня хватит.

– Жаль, что ты не сказал мне об этом раньше. Жаль, что ты не поделился тем, что тебе так все это не нравится. Мы могли бы поговорить.

– Может быть. Я не знаю. Но я точно знаю, что все это из-за него, а не из-за меня. Из-за них с матерью, и их бесконечной войны, и бесконечных попыток произвести наилучшее впечатление. С меня довольно.

Она почувствовала всю его боль, и ей стало невыносимо жаль его.

– Ты поссорился с родителями перед отъездом?

– Я бы не назвал это ссорой. Я сказал то, что давно хотел сказать, и получил ультиматум. Либо я остаюсь и работаю в семейной фирме этим летом, либо он перестает меня обеспечивать. Лишит финансовой поддержки, как лишил всего остального с тех пор, как я был ребенком.

Они вброд перешли ручей в полной тишине, слышался только плеск копыт по воде. Лил не могла представить, что ее родители так поступили бы с ней, никогда.

– Так вот почему ты приехал.

– Я давно планировал свой приезд, потому что хотел. У меня достаточно денег, чтобы снять себе жилье. Мне много не нужно. Я все равно не собираюсь возвращаться и жить с матерью. Просто никогда больше туда не поеду.

Ее душу осветил робкий луч надежды.

– Ты можешь остаться здесь, жить с бабушкой и дедушкой. Сам знаешь, здесь тебе всегда рады. Ты будешь на ферме. Ты мог бы учиться здесь, и...

Но стоило ему взглянуть на нее, и все радужные чаяния пошли прахом.

– Я не собираюсь возвращаться в колледж, Лил. Это не для меня. У тебя все иначе. Ты выбрала дело своей жизни с тех пор, как увидела ту пуму. И решила гоняться за кошками, вместо того чтобы мячи отбивать.

– Я не знала, что это тебя так мучает. Я понимаю, что юриспруденция не была твоим выбором, и со стороны отца было несправедливо толкать тебя туда, но...

– Дело не в справедливости. – Он пожал плечами с видом парня, слишком давно привыкшего к несправедливости, чтобы беспокоиться о ней. – Дело не в этом, и с этого момента мы говорим не об отце. А обо мне. Вся эта кухня ботанов – не для меня.

– И оставаться здесь ты тоже не планируешь, не так ли?

– Я пока не знаю, но на ближайшее время это вполне себе вариант. Я понимаю, что не разобрался, чего хочу. Остаться – это выход. Здесь у меня есть жилье, три квадрата земли под игру в бейсбол, работа, с которой я неплохо управляюсь. Здесь моя семья и ты.

– Но...

– Это нечто вроде перевалочного пункта, на время, пока... без понятия. Пока я на что-то решусь. Здесь я просто внук Сэма и Люси. Я хочу быть собой. Я поступил в полицейскую академию.

– Полиция? – Если бы он наклонился и спихнул ее с лошади, она бы не так удивилась. – С чего бы вдруг? Ты никогда не говорил о том, что хочешь стать полицейским.

– Я прослушал пару курсов по правоохранительной деятельности и один по криминологии. Это были единственные вещи, которые мне нравились во всей этой куче дерьма последние два года. Единственное, в чем я был хорош. Я уже подал документы. У меня достаточно кредитов, чтобы поступить, и мне будет двадцать, когда я начну. Обучение займет шесть месяцев, и мне кажется, что у меня все получится. Так что я собираюсь попробовать. Мне нужно что-то свое. Я не знаю, как это еще объяснить.

Она подумала: «Я твоя», но оставила эти слова при себе.

– Ты говорил об этом дедушке с бабушкой?

– Пока нет.

– Ты будешь работать в Нью-Йорке?

– Иначе бы я учился на востоке, – напомнил он ей. – И если бы я пытался всем угодить, был бы клерком в юридическом отделе в компании отца. Носил бы гребаный костюм каждый день. А теперь я буду делать что-то для себя, или, по крайней мере, пытаться. Мне казалось, ты меня поймешь.

– Я понимаю. – Она хотела, чтобы все было иначе. Чтобы он был рядом с ней. – Просто... это так далеко.

– Я навещу вас, когда получится вырваться. Как только, так сразу. Может быть, на Рождество.

– Я могла бы приехать в Нью-Йорк, может быть на семестровые каникулы, или... следующим летом.

Угрюмое выражение его лица слегка прояснилось.

– Я там тебе все покажу. Есть куда сходить и что посмотреть. У меня будет своя квартира. Будет негусто с финансами, но...

– Это не имеет значения. – «У нас все получится, так или иначе», – сказала она себе. Она не могла иначе думать о них двоих, не могла не верить, что все получится. – В Южной Дакоте тоже есть копы. – Она попыталась улыбнуться. – Однажды ты мог бы стать шерифом Дедвуда.

Эта идея развеселила его.

– Мне нужно сначала пережить академию. Многие отсеиваются.

– Тебя не отсеют. У тебя все сложится. Ты будешь помогать людям, расследуя преступления, а я выучусь и получу ученую степень и буду спасать дикую природу.

«И мы вместе справимся со всеми трудностями», – думала она.

* * *

Она указала дорогу к месту, которое выбрала. Ей хотелось, чтобы все было идеально – день, место, момент. Она не могла допустить, чтобы неопределенность и туманность будущего помешали ей.

Солнце пробивалось сквозь деревья и сверкало в воде быстро бегущего ручья. Под легким ветерком шелестели фиолетовые брызги ночных фиалок. На свету и в тени распускались полевые цветы, а птичье разноголосье звенело как музыка.

Они расседлали и привязали лошадей. Лил отстегнула свой рюкзак.

– Сначала надо поставить палатку.

– Палатку?

– Я хотела, чтобы это был сюрприз. У нас есть два дня. Наши семьи не против. – Она бросила рюкзак, положила руки ему на грудь. – А ты не против?

– Мы давно не ходили в походы. Последний раз мы с твоим отцом жили в одной палатке. – Он погладил ее руки, потянулся к ее лицу. – Все изменилось, Лил.

– Я знаю. Вот почему мы здесь, с одной палаткой и одним спальным мешком. – Она потянулась к нему, не отрывая взгляда от его губ. – Ты хочешь меня, Купер?

– Ты знаешь, что хочу. – Он притянул ее ближе, внезапно и яростно завладел ее ртом, с таким желанием, от которого жар пронзил ее живот. – Господи, Лил, ты знаешь, что хочу. Нет смысла спрашивать, уверена ли ты, готова ли ты. Ты всегда уверена. Но... Мы не готовы. Палатки недостаточно для того, о чем мы говорим. По крайней мере, такой палатки, как твоя.

Это заставило ее рассмеяться и крепко обнять его.

– У меня есть коробка с палатками.

– Прости?

– Презервативы. У меня с собой упаковка. Я никогда не иду в поход неподготовленной.

– Целая упаковка, ого. Значит, тот презик, что я ношу в кармане, вроде как не нужен... и на том спасибо, но откуда, черт возьми, у тебя презервативы?

– Мама дала мне их.

– Твоя... – Он зажмурился, а затем сел на камень, ошарашенный ее словами. – Твоя мать дала тебе коробку презервативов, а потом позволила тебе поехать сюда со мной?

– Вообще-то она дала мне их неделю назад и попросила быть уверенной и осторожной. Я держу обещание. Я готова.

Немного побледнев, Куп потер руками колени.

– Твой отец знает?

– Конечно. Неужели ты думаешь, что он заряжает дома ружье и готовится ехать в погоню?..

– Это странно. Просто странно. И теперь я нервничаю, черт возьми.

– Не стоит. Лучше помоги мне поставить палатку.

Он поднялся на ноги. Вдвоем они закрепили на траве маленькую и легкую палатку, действуя быстрыми, слаженными движениями.

– Ты ведь делал это раньше, верно?

Он посмотрел на нее.

– Ты ведь не про поход. Да. Но у меня еще не было этого ни с кем, у кого нет опыта. Возможно, тебе будет больно, и я не знаю, может ли девушка вообще получить удовольствие в первый раз.

– Я дам тебе знать. – Она протянула руку и положила ладонь на его сердце. Все, о чем она могла думать, что это сердце бьется сейчас для нее. Так и должно быть. – Мы можем начать прямо сейчас.

– Сейчас?

– Ну, я надеюсь, что сначала ты меня согреешь. Я взяла с собой дополнительное одеяло, можем расстелить его. – Она вытащила одеяло из пакета. – И раз уж у тебя в кармане есть презерватив, мы могли бы начать с него. Иначе мы только об этом и будем думать. – Спокойным и уверенным движением она взяла его за руку. – Давай ляжем и разомнемся с помощью поцелуев.

– В мире нет никого похожего на тебя.

– Покажи мне, как нужно, ладно? Я хочу, чтобы меня научил именно ты.

Он поцеловал ее первым, когда они стояли в лучах солнца рядом с одеялом, и вложил в поцелуй всю мягкость и нежность, какими обладал.

Он знал, что она была права. Все должно случиться здесь, в мире, который принадлежит им двоим, в мире, который свел их вместе и связал навсегда.

Они опустились на колени, лицом к лицу, и она вздохнула, прижавшись к его губам.

Он гладил ее: медленно прошелся по волосам, плечам, нежно коснулся лица – и, наконец, дотронулся до ее груди. Он уже прикасался к ним раньше, чувствовал, как бьется ее сердце под его ладонями. Но сейчас все было по-другому. Теперь это была прелюдия.

Он снял с нее рубашку, а затем уже она, с сияющим лицом, помогла раздеться ему. У нее перехватило дыхание, когда он расстегнул ее лифчик. Их тела сблизилось, и она закрыла глаза.

– Что ж... Это отличный способ согреть.

– Ты как... – он подыскивал нужные слова, обнимая ее груди, большими пальцами дразня ее соски. – Ты словно вся покрыта золотой пылью, повсюду.

– Ты еще не все видел. – Она открыла глаза и посмотрела на него. – Внутри меня оживают вещи, о которых я даже не подозревала. Все так бурно и горячо. – Она протянула руку, провела ладонями по его груди. – У тебя так же?

– Да, только я уже знал, как все будет. Лил... – Он наклонил голову и обхватил губами ее сосок. Ее вкус затопил его, в крови все забурлило от издаваемых ею стонов, исполненных ошеломления и восторга.

Ее руки обхватили его, подталкивая, и они рухнули на одеяло, сплетаясь в объятиях.

Она не знала, что будет так мощно. Что ее закружит буря, закачают волны, все ее существо будет сотрясать мощный вулкан. Ничто из того, что она читала – статьи, романы, – не подготовило ее к тому, что происходило с ее собственным телом.

Казалось, ее сознание вырвалось наружу и оставило ее, так что теперь у нее не было ничего, кроме ощущений.

Она пробежалась губами по его плечу, горлу, лицу, поддаваясь желанию напитаться им. Когда его рука провела по ее торсу, расстегнула пуговицу на джинсах, она вздрогнула. И подумала: «Да. Пожалуйста, да».

Когда она попыталась проделать то же самое с ним, он отпрянул.

– Мне нужно... – Его дыхание стало прерывистым, он сунул руку в карман. – Я могу забыть, просто перестать думать.

– Хорошо. – Она легла на спину и коснулась своей груди. – Все уже кажется другим. Я думаю... О. – Ее глаза расширились, когда он стянул с себя джинсы. – Вот это да!

Ее реакция наполнила его мужское естество гордостью; сорвав с презерватива упаковку, он взглянул на нее и сказал:

– В самый раз.

– Я знаю, как это в теории, но... позволь мне попробовать. – Прежде чем он успел надеть презерватив, она приподнялась, чтобы коснуться его.

– Черт, Лил...

– Он гладкий, – пробормотала она, утопая в очередной волне жара. – Твердый и гладкий. Будет ли он таким же внутри меня?

– Такими темпами мы не сдвинемся с места. – Его дыхание участилось и стало неровным, он поймал ее запястье и отдернул руку.

Он пытался сосредоточиться, сконцентрироваться на предохранении.

– Позволь мне, – сказал он, опускаясь к ней. – Просто позволь мне сделать это в первый раз.

Он поцеловал ее долгим, медленным, глубоким поцелуем и взмолился, чтобы инстинкты повели его по верному пути. Лил совсем обмякла под ним, но стоило ему коснуться ее внизу, как она затрепетала всем телом.

Там уже было горячо и влажно, и он чуть не потерял над собой контроль. Молясь о том, чтобы продолжать владеть собой, он просунул в нее палец. Ее бедра выгнулись дугой, а ногти впились ему в спину:

– О боже, о боже...

– Все в порядке... – Вот она вся, распростерлась перед ним: горячая, мягкая, влажная...

Лил. – Тебе хорошо?

– Да. Да. Это...

Она почувствовала, как что-то огромное унесло ее ввысь, так что у нее захватило дух и перехватило дыхание. Не переставая целовать ее, он то удерживал, то отпускал ее. Она снова выгнулась, чтобы принять его в себя целиком. Снова и снова...

«Вот оно... – подумала она, – вот оно».

Купаясь в расплавленном жаре, она почувствовала, как он продвинулся вперед и вдавился в самую сердцевину ее естества. Она открыла глаза, пытаясь сосредоточиться; смотрела ему в лицо и тонула в ясности этих кристально-голубых глаз.

Стало больно. Боль на фоне удовольствия была столь пронзительно-неожиданной, что она застыла, отказываясь признавать ее существование.

– Прости... прости.

Она не знала, намерен ли он остановиться или продолжать, но понимала, что находится на грани чего-то невообразимого. Она обхватила его бедра и приподнялась, чтобы ощутить его и познать всем своим существом.

Боль обожгла ее снова; еще одно онемение от шока, и вот он уже внутри нее. Стал с нею единым целым.

– В самый раз, – выдохнула она.

Он уронил голову ей на плечо, задыхаясь и захлебываясь смехом:

– Боже, Лил... О боже... Не думаю, что я смогу остановиться сейчас...

– Зачем останавливаться?..

Она вцепилась в него покрепче, снова приподняла бедра и почувствовала, как он движется в ней.

Тело Купера дрожало над нею, и ей казалось, что под нею дрожит земля. Внутри нее все открылось навстречу новым ощущениям и наполнилось ими; теперь она тоже знала, каково это.

Она вскрикнула от удовольствия – еще сильнее, чем до этого от боли, – и унеслась вместе с ним на самый пик наслаждения.

5

Они играли в ручье, мылись в прохладной воде, дразня и щекоча тела друг друга, так что дыхание перехватывало.

Мокрые и полуголые, они набросились на провизию Лил словно пара голодных волков. Пока лошади были привязаны и дремали, они прихватили рюкзаки и отправились на короткую прогулку по тропе.

Все вокруг играло новыми, мощными красками.

Остановившись среди сосен, Лил указала на следы:

– Волчья стая. Кошки конкурируют с ними за пищу. В основном они друг друга не беспокоят. Здесь много крупной добычи, так что...

Он ткнул ее пальцем в живот:

– Я должен был догадаться, что ты выбрала этот путь не просто так.

– Мне было интересно, покрывает ли эту территорию запримеченная мной самка. Она, вероятно, сейчас к западу отсюда, но волки подтвердили бы тебе, что это хорошая территория. Мы построим здесь убежище.

– Для кого?

– Для всех них. Вымирающих, раненых и обездоленных. Для тех, кого люди покупают или отлавливают, чтобы завести себе экзотических питомцев, а потом понимают, что не могут их содержать. Я попрошу отца выделить под это территорию; мы на стадии уговоров, но я все устрою.

– Здесь? В холмах?

Она решительно кивнула.

– Паха Сапа-Лакота – «Черные холмы», священное место. Я думаю, оно подходит. Особенно для того, что я хочу сделать.

– Это твое место, – согласился он. – Так что да, оно более чем подходит. Но это потребует огромного труда.

– Я знаю. Я изучала устройство других заповедников, принцип их работы и как ее организовать. Мне еще многому нужно научиться. Мы немного пересекаемся с Национальным парком, и это может сработать в нашу пользу. Нам нужен начальный капитал, план работ и помощь. Возможно, много помощи, – призналась она.

Они стояли на одной из многочисленных троп мира, который был хорошо знаком обоим, но Купу казалось, что они на каком-то перепутье.

– Ты тоже много думала о выборе жизненного пути.

– Да. Думала. И собираюсь вплотную заняться этим проектом в университете. Я хочу построить модель заповедника. Я приобрету достаточно знаний, чтобы воплотить ее в жизнь. Это то, чем я хочу заниматься. Я хочу быть частью защиты нашего мира, учиться и учить. Папа знает, что я никогда не стану фермером. Думаю, он всегда знал.

– В этом тебе повезло.

– Я знаю. – Она вела рукой по коже его руки, пока их пальцы не соединились. – Если ты решишь, что быть одним из лучших в Нью-Йорке тебе не подходит, ты можешь вернуться и помочь нам с этим.

Он покачал головой.

– Или стать шерифом Дедвуда.

– Я не хочу потерять тебя, Купер. – Она метнулась в его объятия.

Он понял, что они чувствуют одно и то же, и еще крепче прижал ее к себе.

– Ты меня не потеряешь.

– Я не хочу быть ни с кем, кроме тебя. Я не хочу никого, кроме тебя.

Он повернул голову, чтобы прижаться щекой к ее макушке. Посмотрел на следы, которые они оставили позади.

– Я вернусь. Я всегда возвращаюсь.

Теперь у нее был он, и она старалась держаться за эту мысль так же крепко, как и за него. Она вернет его, если понадобится. Вернет к себе, вернет туда, где он был счастлив.

Однажды они снова будут гулять по этому лесу, спустя годы. Вместе.

Пока они возвращались к лагерю, она выбросила из головы мысли о том, какие трудности придется преодолеть до того, как случится это «однажды».

В ту ночь, когда звезды усыпали небо над головой, она лежала в его объятиях и слышала крик кошки.

«Мой талисман, – подумала она. – Символ удачи».

Не понимая, почему так хочется плакать, она уткнулась лицом в его плечо и лежала тихо, пока не уснула.

* * *

Дженна смотрела в окно. Тяжелый, жаркий день грозил бурями, пестрящими на восточном небе. Будут и другие бури и еще больше душевных ран, думала она, наблюдая, как ее самая родная девочка и любимый ею мальчик возвращаются на ферму после того, как помогли Джо и Сэму проверить на прочность ограды загона.

Издаലെка она читала их как открытую книгу. Такие юные, влюбленные и полные свежих чувств. Они могли видеть только летнее голубое небо, а не надвигающиеся бури.

– Он разобьет ей сердце.

– Хотела бы я сказать обратное. – Ободряюще положив руку на плечо Дженны, Люси тоже выглянула в окно.

– Она думает, что все расставится по полочкам, что все будет так, как она хочет и планирует. Что все останется так, как сейчас, навсегда. Я не могу сказать ей, что это не так. Она мне не поверит.

– Он любит ее.

– О, я знаю. Знаю. Но их ждут разные дороги. У каждого свой путь. И моя Лил безвозвратно изменится... Это неизбежно.

– Мы надеялись, что он останется. Когда он сказал нам, что не собирается возвращаться в колледж, я подумала: «Ну, ничего страшного. Останется здесь и однажды возьмет на себя управление фермой». У меня было достаточно времени, чтобы подумать об этом – и я-то понимаю, что он мог бы гораздо усерднее заняться своим образованием, если бы его отец не давил так сильно. Уже потом он рассказал нам, чем собирается заниматься.

– Полиция. – Дженна отвернулась от окна, чтобы посмотреть в лицо подруге. – Что ты об этом думаешь, Люси?

– Напугана немного, это факт. Надеюсь, что он встанет на ноги и сможет по-настоящему гордиться собой. Я не могу сказать ему больше, чем ты можешь сказать Лил.

– Больше всего я боюсь, что он попросит ее поехать с ним и она поедет. Она молода, влюблена и, в общем, бесстрашна. Как все в этом возрасте. – Чтобы отвлечься, Дженна взяла с буфета кувшин с лимонадом. – Она просто позволила своему сердцу увлечь ее за собой. Значительно дальше, чем на много миль вперед.

– Я знаю. Помню, как моя Мисси сбежала отсюда так, что пятки сверкали. – Люси, которая на кухне Дженны чувствовала себя так же вольготно и свободно, как у себя дома, достала из буфета пару стаканов. – Он не похож на свою мать, ни капельки. У него больше общего с твоей девочкой. Мисси никогда не думала ни о ком, кроме себя. Похоже, она просто родилась такой. Она не злая и не жестокая, просто беспечная. Она хотела чего угодно, только не быть здесь.

С бокалом в руке она вновь подошла к окну и потягивала из него лимонад, глядя на улицу.

– Эти двое могут хотеть разного, но это лишь полбеды. У твоей девочки есть планы, Дженна. А у моего парня? Он пытается заявить о себе.

– Я не знаю, можно ли когда-нибудь забыть свою первую любовь. Джо сразу стал моим, так что мне не пришлось его забывать. Я ненавижу саму мысль, что ей будет больно. Им обоим будет больно.

– Они никогда не отпустят друг друга, по крайней мере не до конца. Между ними слишком много общего. Но пока мы ничего не можем с этим поделать, только быть здесь. Буря приближается.

– Я знаю.

* * *

Ветер завывал все сильнее, опережая дождь. Молния пронеслась над холмами, рассекая небо хлыстами жуткого синего и ослепительно – белого цвета. Она ударила в хлопковое дерево на ближнем пастбище, расщепив его как топором. Озон воспламенил воздух как колдовское зелье.

– Это плохо. – Лил стояла на заднем крыльце и принюхивалась к воздуху. На кухне скулили собаки: видимо, они укрылись от ненастья под кухонным столом.

Она знала, что проблема может исчезнуть так же быстро, как и появилась. А может не исчезнуть – и тогда буря грянет по всей земле, чтобы наносить удары и сеять разрушения. Град побьет посевы и скот, крученые ветры разрушат их. На холмах и в каньонах животные укрывались в логовах и норах, в пещерах, зарослях и высокой траве. Также и люди укрывались в домах и в машинах.

Пищевая цепь ничего не значила для природы.

Удар грома, подобный удару пушечного ядра, грохотал, раскатывался, отдавался эхом и сотрясал долину.

– В Нью-Йорке такого не увидишь.

– У нас на востоке бывают грозы.

Лил только покачала головой, наблюдая за разыгрывающимся зрелищем.

– Не такие, как здесь. Городские грозы – это неудобства. Здесь гроза – это драма и испытание.

– Попробуй поймать такси в Мидтауне во время грозы, детка, вот это испытание. – Тем не менее он рассмеялся и взял ее за руку. – Но ты права. Тут тебе будто бесплатно вручают электронный билет на шоу.

– Вот и дождь.

Дождь начался так резко, что едва не сорвал с окон занавески. Лил смотрела, как мощной стеной обрушивается ливень и мир будто сходит с ума. Грохот, рев, скрежет сливаются в единой титанической какофонии.

Она повернулась к Купу, прижалась к нему всем телом и впилась в его губы с яростью и силой, подобной этой буре. Дождь достигал их даже в укрытии: капли залетали под крышу вместе с ветром и били по плечам больно, будто твердая галька. Грянул гром, раздался звонкий взрыв. Вокруг звенел безумный хор ветряных колокольчиков и обеденных колоколов.

Она отпрянула, но прежде наградила его быстрым, дразнящим укусом:

– Каждый раз, когда ты будешь слышать гром, ты будешь вспоминать об этом.

– Мне нужно побыть с тобой наедине. Где-нибудь. Где угодно.

Она посмотрела в сторону кухонного окна. Ее родители и Уилксы стояли на переднем крыльце, а они с Купом – на заднем.

– Быстрее. Беги! – Смеясь, она потянула его с крыльца под дикий дождь и ветер. Мгновенно промокнув, они помчались к конюшне.

Молния пронзила небо, разражаясь электрическим шипением. Потянув на себя тяжелую дверь, они, задыхаясь и обливаясь потом, вбежали внутрь. В стойлах лошади беспокойно перебирали копытами, слушая шум ливня и раскаты грома.

На сеновале Куп и Лил сняли мокрую одежду и нетерпеливо принялись наслаждаться друг другом.

* * *

Это был их последний день вместе. Когда все закончится, он попрощается с Джо и Дженной, а потом придется проститься и с Лил.

Он прощался и раньше, но знал, что в этот раз будет труднее. В этот раз было явственно и, как никогда прежде, ощутимо: с этого перекрестка каждый из них пойдет в свою сторону.

Как много раз до этого, они ехали верхом к своему тайному месту. К быстро бегущему ручью на краю соснового бора, где щедрой россыпью, словно в танце, разбегались по земле полевые цветы.

– Проедем чуть дальше. Мы вернемся, – сказала она, – но когда остановимся, это будет наша последняя остановка. Так что давай проедем еще немного.

– Возможно, я смогу приехать на День благодарения. До него не так долго.

– Нет, не очень долго.

– И на Рождество, конечно же.

– Конечно. А я уезжаю через восемь дней. – Она все еще не начала собирать вещи. Она хотела дожидаться, когда Куп уедет. Это будет символично. Пока он еще здесь, все остается как прежде. На хорошо знакомой, твердой почве.

– Волнуешься? Насчет учебы.

– Нет, не волнуюсь. Пожалуй, мне любопытно, как все будет. Часть меня хочет поскорее отправиться туда, начать университетские будни, окунуться в них с головой. Другая часть хочет, чтобы все оставалось как сейчас. Я не хочу думать об этом сегодня. Давай просто будем вместе.

Протянув руку, она накрыла его ладонь своей. Они ехали в тишине, полной вопросов, на которые ни у кого из них не было ответа.

Они миновали небольшой водопад, заросший от летних ливней, пересекли сияющий летней зеленью луг. Решив не падать духом, Лил достала фотоаппарат.

– Эй! – Он усмехнулся, когда она направила на него камеру. Затем, когда их лошади поровнялись, она наклонилась и протянула ему камеру.

– Ты, наверное, отрезала нам головы.

– Спорим, что нет. Я пришлю тебе снимок. «Куп и Лил в глуши». Посмотрим, что об этом подумают твои новые друзья-копы.

– Они увидят тебя и сразу поймут, как мне повезло.

Они свернули на тропу, ведущую через высокие деревья и тяжелые валуны, с которой открывался вид на бесконечный простор. Лил остановилась.

– Здесь проходила пума. Дожди смыли большую часть следов, но на деревьях есть отметины.

– Та самая?

– Возможно. Мы недалеко от того места, где я заметила ее в тот день. – «Два месяца назад», – подумала она. Котята должны были уже отъестся и стать достаточно большими, чтобы мать могла брать их с собой на охоту.

– Ты хочешь попытаться выследить ее?

– Хотелось бы, но... Я не уверена, что смогу. В последние дни было много дождей. Но если она привязана к территории, она может находиться в том районе, где я ее впервые увидела. Тогда мне повезет, – решительно заявила она. – Повезет показать ее тебе. Чтобы в твой последний день здесь мы оба увидели ее такой же, какой увидела ее я – в день, когда мы познакомились.

У него было с собой ружье – на всякий случай, – но он не стал об этом говорить. Лил бы этого не одобрила.

– Поехали.

Она двинулась вперед, ища признаки присутствия пумы, пока лошади лениво брели по тропе.

– Мне нужно подтянуть свои навыки следопыта.

– Ты теперь не хуже своего отца. Может быть, даже лучше.

– Не знаю. Я собиралась больше тренироваться этим летом. Но, – лукаво улыбнулась она ему, – меня кое-что отвлекло. Смотри, вот ее ориентиры для охоты: заросли, валуны. И я не уверена... – Она остановилась и направила лошадь вправо. – А вот и экскременты. Да, их оставила пума.

– Отличный метод выслеживания, я считаю, – уметь отличить одну кучу дерьма от другой.

– Все по заветам службы 101. Экскременты не совсем свежие. Она оставила их вчера или позавчера. Но это часть ее территории. Или не ее, а другой самки. Их территории могут пересекаться.

– Почему не самца?

– В основном они избегают самок до сезона спаривания. Потом все такие: «Эй, детка, ты же знаешь, что хочешь этого. Конечно, я люблю тебя. Конечно, я буду уважать тебя на следующее утро. Давай займемся этим, а потом я уйду».

Видя ее веселую усмешку, он неодобрительно сощурился:

– Ты не уважаешь наш вид.

– Ой, ну не знаю, некоторые из вас нормальные. Ты вот, например, любишь меня. – Поняв, что произнесла это вслух, она выпрямилась в седле. Взять свои слова обратно она уже не могла, поэтому повернулась, чтобы посмотреть ему прямо в глаза: – Разве нет?

– Я никогда ни к кому не испытывал таких чувств, как к тебе. – Он беззаботно улыбнулся ей. – И уж конечно, я уважаю тебя в любое время суток.

В глубине ее мозга билась мысль, что этого недостаточно. Ей нужны были другие слова: самые главные... Но будь она проклята, если попросит об этом.

Она двигалась дальше, направляясь к поросшему высокой травой уступу, где кошка расправилась тогда с бизоненком. Здесь нашлись новые следы и еще больше отпечатков. Здесь были пума и олени. Их стадо вытоптало кустарник.

Но когда они добрались до травы, там никто не бродил и не пасся.

– Хорошее место, – заметил Куп. – Это все еще ваша территория?

– Да, наша, – ответила она, глядя на открывающийся вид.

Она пошла по траве в сторону деревьев, откуда когда-то наблюдала, как пума тащила свою жертву.

– Мама говорила, что раньше здесь водились медведи, но их выследили, изгнали. Пума и волк остались, но чтобы их найти, нужно искать. С биологической точки зрения холмы – это миксер. Здесь встречаются виды, которые характерны для самых разных территорий во всех равноудаленных направлениях.

– Как в баре для одиночек.

Она рассмеялась.

– Поверю тебе на слово. Тем не менее медведей мы потеряли. Если бы мы могли... Ого, там кровь.

– Где?

– На том дереве. И на земле тоже. Подсохшая.

Она перекинула ногу через седло.

– Подожди. Если это место охоты, твоя пума может быть поблизости. Если у нее приплод, она не будет рада тебя видеть.

– Но почему кровь на дереве? Да еще так высоко. – Вытащив фотоаппарат, Лил подъехала ближе. – Можно было бы предположить, что кошка задрала лося или оленя и он подрался с нею или же просто ударился о дерево. Но здесь все выглядит иначе.

– А ты знаешь, как это должно выглядеть?

– Теоретически – да. – Она оглянулась и увидела, что он держит ружье. – Я не хочу, чтобы ты стрелял в нее.

– Я тоже не хочу. – Он стрелял только по мишеням и не хотел стрелять в живых существ, особенно в ее кошку.

Нахмурившись, Лил снова обратила свое внимание на ствол дерева, изучила его и землю вокруг.

– Похоже, она оттащила труп в ту сторону. Видишь, как помяты заросли? И вот еще кровь. – Она присела, ткнула пальцем в землю. – Кровь на земле, на кустарнике. Я думала, она тащила этим путем того бизоньего детеныша. Туда, восточнее. Возможно, ей пришлось перенести свое логово, или же это совсем другая кошка. Продолжай говорить со мной и будь начеку. Пока мы не застанем ее врасплох и не будем угрожать ей или ее потомству, мы ей неинтересны.

Она пошла вперед, стараясь следовать за приметам. Как и ожидалось, тропа здесь была неровная, крутая, каменистая. Она не удивилась, увидев следы туристов, и подумала, не переместилась ли кошка, чтобы избежать встречи с ними.

– Здесь больше экскрементов. Они свежее. – Она огляделась и торжествующе ухмыльнулась. – Мы дышим ей в затылок.

– Ух ты.

– Если бы я могла заснять ее с детенышами... – Она остановилась, принюхалась. – Чувствуешь запах?

– Теперь да. Воняет мертвечиной. – Когда Лил попыталась двинуться вперед, он взял ее за руку. – Я буду контролировать проход. Ты держись позади меня.

– Но...

– Встань за моим плечом и держись меня: либо я иду впереди с ружьем, либо мы повернем назад. Я сильнее тебя, Лил, так что верь мне: мы повернем.

– Ну, если тебе вздумалось побыть пещерным мачо...

– Для разнообразия побуду. – Он пошел вперед, на запах.

– На запад, – направляла она, – еще немного на запад. Это в стороне от тропы. – Она сканировала взглядом кусты, деревья, камни, пока они шли. – Боже, ну как она может есть то, что так воняет? Может, они бросили труп. Поели и пошли дальше. Ничто, собранное подчистую, не будет так пахнуть. Похоже, здесь очень много крови, и дальше в кустарнике тоже.

Она двинулась вперед. Теперь она шла не позади Купа, а рядом с ним. Это была не ее вина, что дальнейшие приметы оказались ближе к ней, чем к нему.

– Я вижу там что-то. Впереди определенно что-то есть. – Лил напрягла зрение, чтобы рассмотреть. – Если она все еще посягает на это и если она поблизости, она быстро даст нам знать. Я не могу разглядеть, что это, а ты?

– Труп – вот что.

– Да, но что это была за добыча? Я хочу знать, что... О боже мой, Купер! О боже!

Они оба ясно видели одно и то же. Добыча была человеком.

* * *

Лил не могла похвастаться самообладанием: ее ноги подкосились, в голове помутилось. Она едва не потеряла сознание и, конечно, упала бы, если бы Куп не подхватил ее на руки.

Ей удалось помочь ему отметить место, но только потому, что он приказал ей держаться подальше. Она заставила себя посмотреть на место происшествия, заставила себя увидеть и вспомнить, что было сделано до того, как она потянулась к седельной сумке за флягой, чтобы напиться.

Она взяла себя в руки и смогла мыслить достаточно ясно, чтобы оставить метку для тех, кто должен будет прийти за останками. Куп держал ружье наготове, пока они ехали домой.

Последнего свидания у ручья не будет.

– Можешь убрать ружье. Это не кошка убила его.

– Полагаю, ее, – сказал Куп. – Судя по размеру и фасону сапог и по останкам волос... Я думаю, это была женщина. Ты думаешь, волки?

– Нет, я не видела поблизости никаких признаков волков. Это место обитания пумы, и они бы оставили ее в покое. Это не животное убило ее.

– Лил, ты видела то же, что и я.

– Да. – Увиденное накрепко отпечаталось в ее памяти. – Звери пришли после. И подъедали останки. Но та кровь на дереве – пятна были слишком высоко, и там не было никаких кошачьих следов. Никаких следов на расстоянии десяти ярдов. Я думаю, кто-то убил ее, Куп. Убил и оставил там. А потом до нее добрались животные.

– В любом случае она мертва. Нам надо вернуться домой.

Когда тропа стала достаточно широкой, они пустились в галоп.

* * *

Отец дал им хлебнуть по глотку виски. Оно обожгло до боли в животе. К тому времени, когда приехала полиция, тошнота отступила и Лил почувствовала себя лучше.

– Я пометила место. – Она сидела с Купом, родителями и помощником окружного прокурора по имени Бейтс. На карте, которую он принес, она отмечала маршрут.

– Это тот путь, которым вы шли?

– Нет, мы выбрали более живописную тропу. – Она указала ее на карте. – Мы не торопились. Мы вернулись этим путем. Я видела кровь на дереве – вот здесь. – Лил сделала отметку на карте. – Ее же я видела вот здесь на земле... и тут же были следы, будто волокли тело. Много, наверное, смыло дождем, но вот это место достаточно укрыто ветвями, чтобы кровь сохранилась. Тот, кто убил ее, сделал это там, у дерева, потому что кровь находится на высоте пяти футов⁸; даже, я бы сказала, ближе к пяти с половиной. Затем он оттащил ее с тропы примерно вот сюда. Там ее и нашла пума. Должно быть, она потащила тело в более надежное укрытие.

Полицейский делал пометки, кивал. У него был ко всему привычный, уверенный, почти успокаивающий взгляд.

– У вас есть причины думать, что ее убили, мисс Шанс? То, что вы описываете, похоже на нападение пумы.

– Когда в последний раз у нас здесь пума нападала на человека? – возмутилась Лил.

– Такое случается.

⁸ Примерно 1,5 метра.

– Кошки целятся в горло при нападении. – Бейтс перевел взгляд на Купа: это говорил он. – Ведь так, Лил?

– Да, их типичный способ убийства – укусы в шею. Пума валит добычу с ног, часто ломая шею. Быстро и чисто.

– Если вырвать кому-то горло, будет много крови. Она бы хлынула фонтаном, не так ли? Здесь скорее мазки, пятна. А не... брызги.

Бейтс поднял брови.

– Итак, у нас есть эксперт по пумам и судебно-медицинский эксперт. – Он улыбнулся, когда говорил это, сохраняя дружелюбный тон. – Я благодарен за помощь. Мы съездим туда и изучим все в деталях.

– Вам придется сделать вскрытие, определить причину смерти.

– Верно, – сказал Бейтс Купу. – Если это было нападение пумы, мы займемся этим. Если нет, мы тоже разберемся с этим. Не волнуйтесь.

– Лил сказала, что ее убила не пума. Значит, так оно и есть.

– К вам поступали заявления об исчезновении женщин? В последние несколько дней? – спросила Лил.

– Возможно. – Бейтс поднялся. – Мы сейчас же отправимся на место. Думаю, мы с вами встретимся для беседы еще раз.

Бейтс в сопровождении двух человек покинул дом Шансов; проводив их, Лил наконец нарушила молчание, сказав:

– Он думает, что мы ошиблись. Что мы увидели останки оленя или что-то в этом духе и испугались.

– Скоро он поймет, что заблуждался.

– Ты не сказал ему, что уезжаешь утром.

– Я могу задержаться еще на день. Они должны узнать, кто она и что с ней случилось. На это должно хватить еще пары дней.

– Ты в состоянии поесть? – спросила Дженна.

Когда Лил покачала головой, Дженна приобняла дочь рукой и погладила по голове, а девушка уткнулась лицом матери в грудь.

– Это было ужасно. Так ужасно. Быть брошенной вот так... Как ненужный кусок мяса.

– Давай пойдем наверх. Я сделаю тебе горячую ванну. Пойдем со мной.

Джо подождал, пока они выйдут, потом встал и наполнил две кружки горячим кофе. Сел напротив Купа и глянул тому в глаза.

– Сегодня ты позаботился о моей девочке. Она может позаботиться о себе сама, я спокоен за нее в большинстве случаев. Но я знаю, что ты позаботился о ней сегодня. И вернул ее сюда в целостности и сохранности. Я этого не забуду.

– Я не хотел, чтобы она это видела. Я никогда не видел ничего подобного и надеюсь, что никогда больше не увижу. Но я не мог помешать ей увидеть это.

Джо кивнул.

– Ты сделал все что мог, и этого достаточно. Я хочу попросить тебя кое о чем, Купер. Я хочу попросить, чтобы ты не давал ей никаких обещаний, в выполнении которых не уверен. Она может позаботиться о себе, на то она и моя девочка, но я не хочу, чтобы она держалась за обещание, которое тебе придется нарушить.

Куп уставился в кружку.

– Я не знаю, что я могу ей пообещать. У меня достаточно денег, чтобы снять дешевую квартиру на несколько месяцев. Я должен попытаться поступить в академию. Даже если я поступлю, полицейский много не заработает. У меня появятся деньги, когда мне исполнится двадцать один год. Из трастового фонда. Сумма увеличится, когда мне исполнится двадцать

пять, потом – когда тридцать, и так далее. Мой отец может заморозить мои счета, и он грозился так и поступить, чтобы я не мог получить деньги до момента своего сорокалетия.

– Долго придется ждать, – слегка улыбнулся Джо.

– Ну, какое-то время я буду жить довольно скудно, но меня это устраивает. – Он снова поднял голову и встретился глазами с Джо. – Я не могу попросить ее приехать в Нью-Йорк. Я думал об этом, много думал. Я не могу дать ей там ничего, и я бы лишил ее того, что она хочет. У меня нет никаких обещаний, которые я мог бы ей дать. Это не потому, что она неважна для меня.

– Нет, я думаю, это как раз потому, что она важна. Мне этого достаточно. У тебя был чертовски трудный день, не так ли?

– У меня такое чувство, что я разрываюсь на части. В голове не укладывается, как вообще это все могло произойти. Она хотела увидеть пуму – и разделить радость со мной. На удачу. Кажется, удачи нам это не принесло. А той женщине, кем бы она ни была, и подавно.

* * *

Ее звали Мелинда Баррет. Ей было двадцать лет, когда она отправилась в поход по Черным холмам – путешествие было ее подарком самой себе на летние каникулы. Она была родом из Орегона. Студентка, дочь, сестра. Она хотела стать рейнджером.

Родители заявили о ее исчезновении в тот же день, когда ее нашли, потому что она не выходила на связь уже два дня.

Прежде чем пума добралась до нее, кто-то проломил ей череп, а затем с силой ударил ножом, так что лезвие задело ребра. Ее рюкзак, часы, компас – подарок отца, доставшийся ему по наследству от его отца, – бесследно пропали.

Куп по просьбе Лил на рассвете приехал к воротам фермы Шансов. Из-за убийства Мелинды Барретт его отъезд сдвинулся на два дня, и он не мог его больше откладывать.

Он увидел ее, стоящую в раннем свете, собак, снующих вокруг, холмы у нее за спиной. И подумал: «Я запомню это». Он запомнит Лил именно такой, пока не увидит ее снова.

Когда он заглушил двигатель и слез с мотоцикла, собаки с радостным лаем помчались к нему навстречу. А Лил бросилась в его объятия.

– Ты позвонишь, когда прилетишь в Нью-Йорк?

– Да. Ты в порядке?

– Столько всего случилось. Я думала, у нас будет больше времени наедине... Просто побыть вдвоем. И тут мы нашли ее. Они понятия не имеют, кто это с ней сделал, а если и знают, то не говорят. Она просто шла по этой тропе, и кто-то убил ее. Чтобы отнять рюкзак, что ли? Снять часы? Или просто так? Я не могу выбросить это из головы, как и то, что мы провели вместе так мало времени. – Она запрокинула лицо, встретила его губы своими. – Но мы расстаемся ненадолго.

– Ненадолго.

– Я знаю, что тебе нужно ехать, но... ты поел? Тебе что-нибудь нужно? – Она попыталась улыбнуться, но ее душили слезы. – Смотри, как я тяну время.

– Я захватил с собой олады. Бабушка знает о моей слабости. Они дали мне пять тысяч долларов, Лил. И не позволили отказаться.

– Хорошо. – Она снова поцеловала его. – Хорошо. Тогда я не буду беспокоиться о том, что ты умрешь от голода в какой-нибудь канаве. Я буду скучать по тебе. Боже, я уже скучаю по тебе. А теперь иди... Тебе нужно ехать.

– Я позвоню. Я буду скучать по тебе.

– Надери им всем там задницу в академии, Куп.

Он сел на мотоцикл, бросил на Лил долгий прощальный взгляд:

– Я вернусь...

– Ко мне, – тихо продолжила она, когда он уже завел двигатель и не слышал ее. – Вернись ко мне.

Она смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду, чтобы убедиться, что он действительно уехал. Залитая мягким светом раннего утра, она села на землю и, прижав к себе собак, разрыдалась от души.

6

*Южная Дакота
Февраль 2009 года*

Малютку «Цессну» трясло в полете: когда самолет пронесся над холмами, равнинами и долинами, последовала пара быстрых неприятных толчков. Лил заерзала в кресле. Не потому, что нервничала, нет – иные перелеты бывали и похуже, она привыкла. Она придвинулась к иллюминатору, чтобы лучше видеть. Ее Черные холмы были выбелены февралем, перед глазами представал сплошной снежный шар из возвышенностей, хребтов и равнин, изрезанных замерзшими ручьями и окруженных дрожащими соснами.

Она представила, что ветер на земле почти такой же сырой и злой, как здесь, наверху, так что сильный вдох полной грудью будет все равно что глоток битого стекла.

Трудно было представить себе счастье больше этого.

Она была почти дома.

Последние шесть месяцев были невероятными, и она никогда их не забудет. Она промокла до нитки, продрогла, замерзла, подверглась нападениям и укусам – и все это во время изучения пум в Андах.

Она честно заработала каждый пенни исследовательского гранта и надеялась заработать еще больше с помощью исследовательских работ и статей, которые она писала и будет писать.

Деньги были вторичной выгодой, хотя в ее положении это была роскошь, которую она не могла себе позволить. Каждая миля, которую она прошла пешком, каждый синяк, каждая большая мышца стоили зрелища золотистой пумы, преследующей добычу в тропическом лесу или возвышающейся как идол на склоне скалы.

Но теперь Лил была готова вернуться домой. Вернуться в свою собственную среду обитания.

Ее ждала работа, очень много работы. Полгода продлилась ее самая долгая командировка, и даже при том, что она поддерживала связь со своими как только могла, ей предстояло разгрести гору дел.

В конце концов, заповедник «Шанс» был *ее* детищем.

Но прежде чем погрузиться в свои труды, она надеялась провести хотя бы один денек, просто валяясь дома.

Лил вытянула ноги в походных ботинках, насколько это было возможно в тесной кабине пилота, и скрестила лодыжки. Она была в дороге уже полтора дня, но последний рубеж перед возвращением домой как рукой снял всю усталость от путешествия.

– Сейчас немного потрясет.

Она взглянула на Дейва, пилота.

– А до сих пор все было гладко, как на озере.

Он усмехнулся и подмигнул:

– Так и будет казаться.

Она подтянула ремень безопасности, но не волновалась. Дейв и раньше доставлял ее домой.

– Спасибо, что устроил мне обзорную экскурсию.

– Без проблем.

– С меня обед – угощу тебя перед отправкой в Твин-Форкс.

– Напомню тебе об этом, как вернусь. – Он повернул свою кепку полевого игрока «Миннесоты Твинс» козырьком назад, как делал всегда на удачу перед посадкой. – Думаю лететь

дальше, как только заправлюсь. В этот раз тебя долго не было. Должно быть, не терпится вернуться домой.

– Да.

Ветер шлепал и дергал маленький самолет при снижении. Тот раскачивался и брыкался, как рассерженный ребенок в разгар истерики. Лил улыбнулась, увидев взлетную полосу муниципального аэропорта.

– Позвони мне, когда будешь возвращаться сюда, Дейв. Мама приготовит тебе свое коронное блюдо.

– Заметано.

Страхнув с плеча тяжелую косу, Лил посмотрела вниз, ее темные глаза искали, за что зацепиться. Она заметила красное пятно. Должно быть, это мамина машина. Она морально подготовилась ко входу в зону турбулентности, держа это красное пятно в фокусе внимания.

Шасси с грохотом опустились, красное пятно превратилось в того же цвета «Юкон», и самолет направился к взлетной полосе. Когда колеса соприкоснулись с землей, сердце Лил учащенно забило.

Как только Дейв кивнул ей, она отстегнулась, чтобы взять свой рюкзак, сумку и ноутбук. Нагруженная вещами, она повернулась к Дейву, успела провести рукой по его обросшему бородой лицу и крепко чмокнула пилота в губы.

– Почти так же вкусно, как домашняя еда, – отметил он.

Не успела Лил ступить на асфальт, миновав коротенький трап, как из крошечного терминала выбежала Дженна. Лил бросила свое снаряжение и помчалась навстречу матери.

– Вот и ты, вот и ты! – приговаривала мать, стискивая ее в объятиях. – С возвращением, с возвращением домой. О, как я по тебе скучала! Дай мне посмотреть на тебя!

– Сейчас, сейчас... – Лил держала ее в объятиях, вдыхая ароматы лимона и ванили, такие знакомые и ассоциирующиеся с матерью. – Ох, как же хорошо!

Отстранившись наконец, они обе не могли наглядеться друг на друга.

– Ты такая красивая. – Лил протянула руку, провела пальцами по волосам матери. – Я все еще не могу привыкнуть к короткой стрижке. Дерзко.

– Ты выглядишь... потрясающе. Как ты можешь выглядеть потрясающе после шести месяцев бродяжничества в Андах? После почти двух дней в самолетах, поездах и бог знает где еще? Но ты правда выглядишь потрясающе и вроде бы готова ко всему. Давай-ка возьмем твои вещи и поедem туда, где теплее. Дейв!

Дженна поспешила к пилоту и поцеловала его вслед за дочерью.

– Спасибо, что привез мою девочку домой.

– Это был лучший рейс за всю мою карьеру.

Лил подняла свой рюкзак, разрешив матери взять чехол с ноутбуком, и крикнула пилоту на прощание:

– Ясного неба, Дейв!

– Я так рада тебя видеть. – По пути к машине пришлось идти против ветра, и Дженна приобняла дочь за талию. – Твой папа хотел приехать, но одна из лошадей заболела.

– Что-то серьезное?

– Я так не думаю. Надеюсь, что нет. Но он решил остаться и приглядеть за ней. Так что я вся в твоём распоряжении на некоторое время.

Погрузив вещи, они уселись в «Юкон». В салоне гибридного автомобиля, которым пользовались ее равнодушные к экологии родители, было уютней, чем в гостиной, и просторнее, чем в кабине «Цессны». Лил вытянула ноги, протяжно вздохнула.

– Я мечтаю о бесконечной пенной ванне с бездонным бокалом вина. А потом о самом большом стейке по эту сторону Миссури.

– Какое совпадение: у нас как раз есть все это.

Чтобы не щуриться от бликов снежного покрова, Лил надела солнцезащитные очки.

– Сегодня вечером я хочу остаться дома и пообщаться с вами, а потом уже поеду в заповедник и вернусь к работе.

– Я бы надрала тебе задницу, если бы у тебя были иные планы на сегодня.

– Ура! Расскажи мне все, – торопила ее Лил, когда они выезжали с парковки. – Как все поживают, что происходит, кто в лидерах в Бесконечном Шахматном Турнире «Джо против Фарли»? У кого разборки, кто с кем спит? Заметь, я стараюсь не спрашивать об убежище, потому что если я начну, то уже не смогу остановиться.

– Раз уж ты так стараешься избегать расспросов, сразу скажу, что все в порядке. Я хочу услышать о твоих приключениях. В тех дневниковых записях, которые ты прислала по электронной почте, столько ярких впечатлений, столько интересного. Тебе нужно написать книгу, дорогая.

– Когда-нибудь напишу. Я собрала достаточно материала на несколько солидных статей. И накопилась куча отличных фоток, среди них те, которые вы еще не видели. Однажды утром я выглянула из палатки спросонья, просто одним глазком, и увидела пуму на дереве; она была всего лишь в каких-нибудь двадцати ярдах⁹ от меня. Сидела там и таращилась на лагерь, как будто думала: «Какого черта они здесь делают?» Поднимался туман, птицы только начали щебетать. Все остальные спали. Мы были вдвоем: я и она. У меня перехватило дыхание, мама. Я не успела сделать снимок. Мне пришлось заставить себя отвернуться и взять фотоаппарат. Это заняло всего несколько секунд, но когда я снова выглянула, ее уже не было. Испарилась как дым. Но я никогда не забуду, как она выглядела.

Лил засмеялась и покачала головой.

– Видишь, ты меня завела. Я хочу услышать, как дела у вас. Как все здесь, дома. – Она распахнула свою старую дубленку, чтобы почувствовать блаженное тепло, излучаемое автомобильной печкой. – Ничего себе, вот это снег. Еще два дня назад я жарилась под солнцем Перу. Расскажи мне что-нибудь новенькое.

– Не говорила, пока тебя не было, – не хотела волновать. Сэм упал и сломал ногу.

– О боже. – Мгновенно радость исчезла с ее лица, сменившись тревогой. – Когда? Как он?

– Около четырех месяцев назад. Его лошадь шарахнулась, встала на дыбы не понять с чего. Мы так и не знаем до конца, как это случилось, но он упал с лошади, и та наступила ему на ногу. Нога сломана в двух местах. Он был один, Лил. Лошадь пошла назад без него, и это насторожило Люси.

– С ним все в порядке? Мама...

– Ему лучше. Мы все были напуганы какое-то время. Для своего возраста он вполне здоров, но ему семьдесят шесть, а переломы отнюдь не шуточные. Ему вставили штифты, и он пролежал в больнице больше недели, потом гипс, потом терапия. Он только-только начинает заново ходить с тростью. Не будь он таким крепким, могло бы... Врачи говорят, что он молодецом и у него все будет хорошо. Но это очень сильно мешает активной жизни, без сомнения.

– А как там Люси? У нее все в порядке? Ферма, бизнес? Пока Сэм болел, им кто-то помогал?

– Да. Сначала было тяжело, но сейчас у них все хорошо. – По вздоху Дженны Лил догадалась, что дальнейшие новости не лучше. – Лил, Купер вернулся.

Удар в сердце. «Просто рефлекс», – сказала она себе. Просто старые воспоминания заставляют ее быть сентиментальной.

– О, это очень хорошо. Он большая опора для них. Как долго он здесь пробудет?

– Он вернулся, Лил. – Свободной рукой Дженна ласково погладила дочь по колену. Она старалась подбодрить ее и нежным тоном, и прикосновением. – Теперь он живет на ферме.

⁹ Около 18 метров.

– Ну конечно. – Что-то внутри дрогнуло, но она проигнорировала это. – Где же еще ему жить, если он помогает им?

– Он приехал, как только Люси позвонила ему, и оставался у них до тех пор, пока мы все не убедились, что Сэму не понадобится еще одна операция. Потом он вернулся на восток, уладил все, что нужно было уладить, и вернулся. Теперь он здесь.

– Но... У него же дела в Нью-Йорке. – Что-то сдавило грудь, и стало трудно дышать. – Я имею в виду, что после того, как он ушел из полиции и занялся частным бизнесом, он... Я думала, у него там все хорошо.

– Думаю, так и было. Но... Люси сказала мне, что он продал агентство, собрал вещи и сказал ей, что останется. И остался. Не знаю, что бы они делали без него, по правде говоря. Им бы все здесь помогали, ты же знаешь, как это бывает. Но нет ничего лучше семьи. Я не хотела рассказывать тебе об этом по телефону или по электронной почте. Детка, я знаю, что тебе может быть тяжело.

– Нет. Конечно нет. – Как только ее сердце перестанет болеть, как только она сможет сделать глубокий вдох без боли, все будет хорошо. – Это было очень давно. Мы по-прежнему друзья. Я видела его года три или четыре назад, когда он приезжал навестить Сэма и Люси.

– Ваша встреча длилась меньше часа, потом тебе внезапно пришлось лететь во Флориду, а через две недели вы снова разминувшись.

– Мне действительно нужно было уехать, когда подвернулась такая возможность. Флоридские пантеры находятся под угрозой исчезновения. – Она уставилась в окно, благодарная за то, что на ней солнцезащитные очки. Даже с ними все вокруг теперь казалось слишком ярким, слишком. – Насчет Купа: все нормально. Я рада, что он здесь, рядом с Сэмом и Люси.

– Ты любила его.

– Да, любила. В прошедшем времени. Не волнуйся.

Она не то чтобы думала о нем каждые пять минут или видела его в каждом встречном. У нее была своя работа, свое место в жизни. У него, очевидно, было свое. Плюс никаких обид, напомнила она себе. Они были детьми; они выросли.

Лил приказала себе перестать думать о нем, выкинуть все из головы, как только машина свернет на фермерскую дорогу. Они увидели дым, выходящий из трубы, – дом, милый дом, – и пару собак, бегущих с заднего двора проверить, в чем дело.

Быстрой и резкой вспышкой мелькнуло воспоминание о том, как жарким летним утром она плакала, обнимая двух таких же вот резвящихся собак. Двенадцать лет назад тем летом состоялось самое первое жалобное прощание – она помнила все. И, если уж быть совсем честной, это было начало конца. Двенадцать лет – достаточно долгий срок, вполне достаточный, чтобы пережить это.

Она увидела отца, выходящего встречать их из дверей хлева, и отогнала все непрошенные мысли о Купере Салливане.

Ее обнимали, целовали, угощали горячим шоколадом и печеньем, к ней неистово ласкалась пара гончих, которых родители называли Лоис и Кларк. Из окна кухни открывался знакомый вид. Поля, холмы, сосны, серебряная лента реки. Дженна настояла на том, чтобы постирать одежду, сложенную в рюкзак.

– Хочу о тебе позаботиться. Это поможет мне чувствовать себя мамой целый день.

– Не в моих силах лишать тебя этого, мамочка.

– Я не то чтобы чистюля, – заметила Дженна, забирая вещи у Лил. – Но я не понимаю, как ты можешь так долго обходиться малым.

– Секрет в грамотном планировании и еще в готовности носить грязные носки, когда выбор ограничен. Это вообще-то еще чистое, – начала было Лил, когда ее мать достала из рюкзака очередную рубашку. Дженна только бровью повела. – Ладно, не столько чистая, сколько не грязная.

– Я принесу тебе свитер и джинсы. Этого достаточно, пока твои вещи не высохнут. Прими ванну, выпей вина. Расслабься.

Она опустила в горячую ванну, заботливо приготовленную матерью. Издав долгий, почти оргазмический стон, Лил подумала: «Как же приятно, когда о тебе кто-то заботится!» Работа в поле обычно означала грубую, в некоторых случаях почти примитивную жизнь. Она не возражала против этого. Но в данный момент она никоим образом не возражала и против того, чтобы мама приготовила для нее специальную пенную ванну имени Дженны Шанс, и знала, что может нежиться в ней до тех пор, пока вода не остынет.

Теперь, когда она была одна и у нее было вдоволь времени, она позволила Купу вернуться в свои мысли.

Он вернулся, когда бабушка с дедушкой нуждались в нем, следует отдать ему должное. Он действительно уважает и любит свою семью, в этом нет сомнений.

Можно ли ненавидеть человека, который, по всей видимости, круто изменил всю свою жизнь ради того, чтобы его бабушка и дедушка ни в чем не нуждались, а их дом и бизнес были под надежной защитой?

Кроме того, Лил не за что было его ненавидеть.

То, что он разбил ей сердце, а потом по капле выдавил из него всю кровь, так что она увлажнила подошвы его сапог, когда он уходил от нее, – да разве это причина для ненависти?

Она глубже погрузилась в ванну, потягивая вино.

В лжи его тоже не упрекнуть.

Он вернулся. Не на День благодарения, а к Рождеству. Всего на два дня, но приехал. А когда он не смог приехать тем летом, она приняла предложение поработать в приюте в Калифорнии. За эти недели она многому научилась, и они с Купом поддерживали связь, насколько это было возможно.

Но все уже начало меняться. Разве она не чувствовала этого уже тогда? – спрашивала она себя. Разве какая-то ее часть не знала?

Он не смог приехать на следующее Рождество, и она прервала свои зимние каникулы ради полевых исследований.

Когда следующей весной они встретились на нейтральной территории, это был конец. Он изменился, она это видела. Его характер стал тверже, жестче – и он держался явственно холодно. Но и тогда она не назвала бы его поведение жестоким. Он просто расставил все точки над «i».

У нее была своя жизнь на западе, у него – на востоке. Пора бросить все и признать, что у них ничего не получится.

«Твоя дружба важна для меня. Ты мне тоже важна. Но, Лил, нам пора двигаться дальше. Мы должны принять себя такими, какие мы есть».

Нет, он не был жестоким, но он сломал ее. Все, что у нее осталось, это гордость. Холодная гордость, которая позволяла ей говорить, что он прав, и смотреть ему в глаза, когда она это говорила.

– Слава богу, что я это сделала, – пробормотала она. В противном случае его возвращение не принесло бы ей ничего, кроме страдания и унижений.

Лучшим способом справиться с этим, чтобы все пошло на лад, было встретиться с проблемой лицом к лицу. Как только ей это удастся, она навестит Сэма, Люси и Купа. Черт, да она купит ему пива и сделает пару крутых подач.

Она больше не была подростком с трепещущим сердцем и бушующими гормонами. С прошлого лета она – доктор Лилиан Шанс. «Прошу любить и жаловать». Она стала соучредителем заповедника «Шанс» прямо здесь, в своем уголке мира.

Она побывала в самых разных уголках планеты и повсюду находила новых животных, достойных изучения и исследования. Парочка несерьезных романов сменилась по-настоящему

серьезными, длительными отношениями. С Жан-Полем они прожили вместе почти два года. Не считая времени, когда разъезжались по разным делам.

Так что теперь она вполне могла разделить свой уголок мира с тем, кого любила с детства. Ведь у них столько общего, и здесь, в этом месте, – их суть. Просто и мило.

Они смогут продолжить свою дружбу в том же духе.

Лил переделала в предложенные свитер и джинсы и, убаюканная ванной, вином и комнатой своего детства, решила вздремнуть. «Только двадцать минут», – сказала она себе, сладко потягиваясь...

И как убитая проспала три часа.

* * *

На следующее утро Лил проснулась за час до рассвета, отдохнувшая и готовая к подвигам. Она явилась на кухню раньше родителей, а потому взяла на себя приготовление завтрака – своего фирменного блюда. Когда отец пришел заварить себе кофе, бекон и картофель фри были на сковороде, а яйца уже взбивались в миске.

Джо, чьи густые прекрасные волосы ничуть не поредели со временем, принялся к воздуху не хуже своих гончих. Поприветствовав дочь, он сказал:

– Я понял главную причину, по которой я радуюсь твоему возвращению. Еще пару минут назад я думал, что буду есть на завтрак овсянку быстрого приготовления.

– Не в мою смену. И с каких пор в этом доме тебе приходится питаться быстрорастворимой овсянкой?

– С тех пор, как пару месяцев назад мы с твоей мамой пошли на компромисс и я согласился есть овсянку два раза в неделю. – Он бросил на нее скорбный взгляд. – Что-то вроде диеты...

– Ах вот как, значит, сегодня день овсянки.

Он усмехнулся и шутливо дернул ее за волосы, собранные в хвост:

– Только не в твою смену.

– Хорошо, вот полная тарелка холестерина для тебя, а после завтрака я помогу тебе с поголовьем и двинусь в заповедник. Тут хватит и для Фарли, я думала, он здесь. Он тоже против овсянки?

– Фарли не против овсянки, но он будет благодарен за яичницу с беконом. Я еду с тобой.

– Отлично. Как решу свои дела, постараюсь заскочить к Сэму и Люси. Если что нужно в городе, я могу заехать.

– Я составлю список.

Лил наколола бекон на вилку, чтобы слить жир; тут вошла ее мать.

– Ты как раз вовремя.

Дженна выразительно взглянула на бекон, а затем на мужа.

– Это она приготовила, – кивнул Джо в сторону Лил. – Я же не могу обидеть ее отказом.

– Овсянку будем есть завтра, – постановила Дженна, легонько ткнув пальцем в его живот.

Лил услышала топот сапог на заднем крыльце и подумала: «Вот и Фарли».

Она была еще студенткой, когда родители приютили его – а точнее, дали ему дом. Фарли было шестнадцать, и он был предоставлен самому себе с тех пор, как мать уехала и бросила его, задолжав денег за два месяца проживания в съемной квартире в Абилине. Эта женщина и сама не знала, кто настоящий отец Фарли. Он знал только, что у матери было много мужчин.

Строя смутные планы уехать в Канаду, юный Фарли Пакет сбежал из неоплаченной квартиры куда глаза глядят и отправился в путь автостопом... а потом ему повезло проголосовать на дороге возле Рапид-Сити, где как раз проезжал Джосайя Шанс. Когда отец подобрал его,

в кармане у парня было тридцать восемь центов, а из теплой одежды у него имелась только ветровка «Хьюстон Рокетс», с трудом защищавшая от свирепого мартовского ветра.

Шансы обеспечили Фарли едой, подработкой и кровом. Поговорив с ним и выслушав его историю, они использовали все доступные им средства, чтобы проверить «легенду». Удостоверившись, что он надежный малый, они дали ему работу и отдельную комнату в бараке на время, пока он встанет на ноги.

Прошло почти десять лет, а Фарли все еще жил здесь, на их ферме.

Он вошел в дом, и вместе с ним в прихожую ворвался морозный воздух. Из-под шляпы торчали волосы цвета соломы и глядели сонные бледно-голубые глаза.

– Ух! Такой дубак, чуть яйца не отморозил... – Он осекся, увидев Дженну, и его розовые от холода щеки покраснели еще сильнее. – Прости, не заметил тебя. – Затем фыркнул. – Бекон? Сегодня же день овсянки.

– Особое угощение, – сказал Джо.

Наконец Фарли заметил и Лил, и по его лицу расплылась улыбка:

– Привет, Лил. Ты уже на ногах? Думал, тебе нужно будет время, чтобы очухаться.

– Доброе утро, Фарли. Кофе горячий.

– Пахнет он отлично. Сегодня будет ясная погода, Джо. Тот грозовой фронт прошел на восток.

Как часто бывало, утренний разговор был посвящен погоде, домашней утвари и хозяйственным делам. Принимаясь за завтрак, Лил подумала, что все выглядит так, будто она никуда и не уезжала.

Через час, оседлав лошадей, они с отцом двигались по тропе, ведущей к заповеднику.

– Тэнси сказала мне, что Фарли много времени посвящает волонтерской работе в убежище.

– Мы все стараемся помогать по мере сил, особенно когда ты в отъезде.

– Папа, он в нее влюблен, – сказала Лил. Тэнси была ее соседкой по комнате в колледже и штатным зоологом.

– В Тэнси? Да ну, – рассмеялся он. Потом до него стало доходить, что она не шутит. – Правда?

– Я почувствовала это, когда он начал регулярно работать волонтером в прошлом году. Я не придавала этому значения... она вроде как моя ровесница.

– Старушка.

– Ну, у них несколько лет разницы. Я вижу сильный интерес с его стороны. Она красивая, умная и веселая. Чего я не ожидала, так это того, что в ее сообщениях между строк тоже читается симпатия. То есть она тоже может иметь на него виды.

– Тэнси интересуется Фарли? Нашим Фарли?

– Может, я ошибаюсь, но у меня такое ощущение. Нашим Фарли, да, – повторила она, глубоко вдохнув морозный воздух. – Знаешь, когда мне было двадцать, я думала, что вы двое сошли с ума, взяв его к себе. Я думала, что он ограбит дом и свалит, пока вы спите, по крайней мере украдет ваш грузовик, и на этом все закончится.

– Он не украдет ни цента. Это не в его натуре. Это было видно с самого начала.

– Вам с мамой – да. И вы были правы. Думаю, я права в своих подозрениях, что моя университетская верная коллега положила глаз на нашего дурашливого, добродушного Фарли. Лошади бежали по дорожке легкой рысью и вздымали снег, их дыхание было похоже на дым.

Когда приблизились к воротам, отделявшим ферму от убежища, Лил рассмеялась. Ее коллеги повесили на воротах огромный плакат с надписью: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ, ЛИЛ!»

Рядом было множество следов, оставленных снегоходами и лошадьми, людьми и животными. В январе и феврале в убежище было мало туристов и посетителей. Но персонал всегда был занят.

Она спешила, чтобы открыть ворота. «Как потянем финансово, установим здесь автоматические двери», – подумала она. А пока что нужно было пробраться через сугроб, чтобы открыть задвижку. Засов заскрипел, когда Лил распахнула дверь, чтобы отец мог провести лошадь.

– Вас никто не беспокоил? – спросила она, снова садясь верхом. – Я имею в виду людей.

– О, к нам время от времени заходят те, кто не может найти вход для посетителей. Мы просто отправляем их в обход.

– Я слышала, что у нас была хорошая явка и отличные отзывы о школьных экскурсиях осенью.

– Дети любят это место, Лил. Ты все очень хорошо устроила.

– Мы устроили.

Она почувствовала запах животных прежде, чем увидела их, – этот воздух был с примесью дикости. Внутри первого вольера на валуне сидел самец канадской рыси. Тэнси привезла его из Канады, где рысь отловили, предварительно ранив в ногу. В дикой природе искалеченная нога равнялась бы смертному приговору для животного. Здесь же у него было убежище, приют. Они назвали его Рокко; он тряхнул кисточками на ушах, когда они верхом проезжали мимо.

В заповеднике нашелся дом для рыси и пумы; для старого циркового тигра, которого назвали Борисом; для львицы, которую когда-то, при невыясненных обстоятельствах, держали в качестве домашнего животного. Здесь жили медведи и волки, лисы и леопарды.

Меньшую площадь занимал зоопарк, который Лил предпочитала называть живым уголком с практическим обучением для детей. Кролики, ягнята, карликовая коза, ослик.

Здесь же, рядом, трудились одетые в утепленную рабочую форму сотрудники убежища, кормящие, дающие приют и лечащие.

Из отдела, занятого большими кошками, первой заметив ее и закричав от радости, прибежала Тэнси. На ее красивой, карамельного оттенка, коже расцвел розовый румянец – признак одновременно холода и удовольствия.

– Ты вернулась. – Она потрепала всадницу по колену. – Спускайся скорей и обними меня! Эй, Джо, держу пари, ты счастлив, что твоя девочка вернулась.

– Более чем.

Лил слезла с лошади и обняла подругу, которая раскачивалась из стороны в сторону, издавая довольный звук «мммм». – Я так рада, так рада, так рада тебя видеть!

– Взаимно. – Лил прижалась щекой к темным локонам Тэнси, вьющимся мягкими спиралями.

– Мы слышали, что ты поймала Дейва и смогла вернуться на день раньше, так что мы еле выкрутились с тем, чтобы скрыть следы разврата. – Тэнси откинула голову и усмехнулась. – Ну знаешь, тут же было столько пьяных вечеринок и кутящих толстосумов с тех пор, как ты уехала.

– Ага. Я так и знала. И поэтому ты единственная из старшего персонала, кто смог меня встретить?

– Естественно. Все остальные лечат похмелье. – Она засмеялась и еще раз сжала Лил в объятиях. – Ладно, к делу. Мэтт в медицинском крыле. Билл попытался съесть полотенце.

Билл, молодой самец рыси, славился эклектичным аппетитом.

Лил окинула взглядом домики: в одном находился ее кабинет, в другом – офисы и медицинское крыло.

– Много он зажевал?

– Нет, но Мэтт хочет проверить его. Люциус прикован к компьютеру, а Мэри – у дантиста. Или собирается к нему. Эй, Эрик, займись лошадьми, ладно? Эрик – один из наших стажеров

на зимний период. Мы представим его позже. Давайте... – Она прервалась на резком, ярком крике пумы. – Кто-то чует маму, – сказала Тэнси. – Идите вперед. Встретимся в медицинском крыле, когда закончишь.

Лил поехала по тропинке, протоптанной в снегу.

Он ждал ее, вышагивая, наблюдая, подзывая. При ее приближении этот гигантский кот потерся телом об ограждение, потом встал, упираясь в него передними лапами. И замурлыкал.

Шесть месяцев прошло с тех пор, как он видел ее и слышал ее запах, подумала Лил. Но он не забыл ее. «Привет, Малыш».

Она протянула руку, чтобы погладить его по рыжей шерсти, и он ласково прикоснулся головой к ее голове.

«Я тоже по тебе скучал».

Ему было уже четыре года, он достиг полного расцвета, стал стройным и великолепным. Когда она нашла его и двух его однопометников, осиротевших и полуголодных, он еще не был полностью отлучен от материнских сосков. Лил кормила котят вручную, ухаживала за ними и опекала. А когда они стали достаточно взрослыми и сильными, она вернула их в дикую природу.

Но он вернулся.

Она назвала его Рамзесом – такая звучная кличка подчеркивала силу и достоинство, – но на деле он был Малышом.

И ее единственной настоящей любовью.

– Ты хорошо себя вел? Конечно, хорошо. Ты лучший. Держишь всех в узде? Я знала, что могу рассчитывать на тебя.

Пока она говорила с ним и гладила его, Малыш мурлыкал, урчал во все горло и смотрел на нее золотыми глазами, полными любви.

Она услышала движение позади себя и оглянулась. Тот, кого Тэнси назвала Эриком, стоял и смотрел на нее.

– Они говорили, что он был таким с вами, но... я не верил.

– Ты новенький?

– Да. Я стажирюсь. Эрик. Я Эрик Сильверстоун, доктор Шанс.

– Лил. Чем ты хочешь заниматься?

– Экологией и менеджментом.

– Учишься чему-нибудь здесь?

– Многому.

– Позволь мне дать тебе еще один быстрый урок. Этот взрослый самец пумы, *Felis concolor*, примерно восемь футов¹⁰ в длину от носа до хвоста и весит около ста пятидесяти фунтов. Он может перепрыгнуть льва, тигра, леопарда как вертикально, так и горизонтально. Несмотря на это, он не считается крупным кошачьим.

– У него нет специализированной гортани и подъязычного аппарата. Он не может рычать.

– Правильно. Он будет мурлыкать, все равно что твоя ручная кошка, любимый питомец на подушках у бабушки. Но он не ручной. Нельзя же приручить дикого зверя, правда, детка? – Малыш заурчал, как бы в знак согласия. – Он любит меня. Запомнил еще будучи котенком – примерно в возрасте четырех месяцев, с тех пор как живет в убежище, среди людей. Это выученное поведение, а не прирученное. Мы не добыча. Но стоит совершить какое-то движение, которое он воспримет как нападение, он ответит. Пумы красивы, очаровательны, но они не домашние животные. И этот – тоже.

Все же, чтобы доставить удовольствие себе и Малышу, она прижалась губами к одному из маленьких отверстий в ограде, и он прильнул к ее рту. «Увидимся позже».

¹⁰ Чуть меньше 2,5 м.

Она повернулась и пошла с Эриком в сторону хижины.

– Тэнси сказала, что вы нашли его и еще двух сирот.

– Их мать сцепилась с одиноким волком – по крайней мере, так мне показалось. Она убила волка, в противном случае он забрал бы приплод. Но и сама не выжила. Я нашла ее труп и возле него детенышей. Это были первые котята пумы, которые у нас здесь появились.

Другой самец из того же помета оставил Лил на память шрам на правом локте.

– Мы кормили их, приютили примерно на шесть недель, пока они не стали достаточно взрослыми, чтобы охотиться самостоятельно. На это время мы максимально ограничили их контакт с людьми. Затем пометили их, выпустили и с тех пор отслеживаем их местонахождение и перемещение. А Малыш... Он сам захотел остаться.

Она оглянулась и посмотрела, как Малыш присоединился к своим товарищам по игре.

– Его сородичи адаптировались к дикой природе, а он продолжал возвращаться сюда. – «Ко мне», – подумала она. – Пумы одиночные и скрытные животные, они охватывают огромный ареал, но Малыш решил вернуться сюда. В этом фокус. Можно всю жизнь изучать и познавать закономерности поведения, таксономию и прочее. Но ты никогда не узнаешь всего.

Она снова обернулась, когда Малыш запрыгнул на один из валунов и испустил долгий торжествующий крик.

Зайдя в помещение, Лил сбросила верхнюю одежду. Сквозь открытую дверь медицинского крыла она слышала, как ее отец разговаривает с Мэттом. В кабинете энергично стучал по клавиатуре, что-то печатая, мужчина в очках с толстыми стеклами¹¹ и заразной ухмылкой.

Мужчину звали Люциус Гэмбл. Он поднял голову, воскликнул: «Наконец-то!» – и вскинул руки вверх.

– Вернулась из окопов! – Он подскочил, чтобы обнять Лил, и она почувствовала в его дыхании запах красной лакрицы, к которой он пристрастился.

– Как дела, Люциус?

– Хорошо. Вот обновляю веб-страницу. У нас есть несколько новых фотографий. Пару недель назад к нам привезли раненую волчицу. Машиной сбило. Мэтт спас ее. У фотографий куча просмотров, как и у статьи Тэнси.

– Ее можно выпустить на волю?

– Она все еще калека. Мэтт не думает, что она вернется в естественную среду обитания. Старушка. Мы называли ее Зеной, потому что она похожа на воина.

– Я посмотрю на нее. Я еще не делала обход.

– Я загрузил на сайт твои снимки из поездки. – Люциус постукивал пальцем по монитору компьютера. На нем были древние ботинки на высоких каблуках вместо сапог, которые носило большинство сотрудников, и джинсы, обтягивающие его плоский зад. – «Великолепное приключение доктора Лилиан». Они набирают все больше просмотров.

Пока он говорил, Лил разглядывала хорошо знакомое ей помещение. Простые бревенчатые стены, плакаты с изображениями дикой природы, дешевые пластиковые стулья для посетителей, стопки красочных брошюр. Второй стол – стол Мэри – был словно аккуратный островок порядка посреди моря хаоса, который создавал Люциус.

– Неплохо бы, чтобы просмотры сопровождалась... – Она подняла руку и потерла пальцами в воздухе, имитируя шелест денег.

– Тут все довольно стабильно. Мы добавили новую веб-камеру, как ты и хотела, а Мэри работает над обновленной брошюрой. Сегодня утром у нее были проблемы с дантистом, но она постарается прийти сегодня днем.

¹¹ В оригинале Coke-bottle glasses: принятое в США прозвище очков с толстыми линзами, напоминающими горлышки бутылок из-под колы.

– Значит, сегодня днем и проведем общее собрание. Соберем весь персонал, включая стажеров и тех волонтеров, что смогут присутствовать.

Заглянув в медицинский отсек, Лил спросила:

– Где Билл?

– Он в порядке, я ему помог, – откликнулся Мэтт. – Уже выписан и передан в руки Тэнси. Рад тебя видеть, Лил.

Они не обнялись – это было не в стиле Мэтта, – но обменялись теплым рукопожатием. Мэтт был примерно того же возраста, что и отец Лил, с редящими волосами, пронизанными сединой, и карими глазами. Он носил очки в проволочной оправе.

Мэтт не был идеалистом, каким показался Лил стажер Эрик. Но зато он был чертовски хорошим ветеринаром, готовым работать за жалкую плату.

– Мне лучше вернуться. Завтра я постараюсь немного освободить Фарли, чтобы он смог уделить тебе пару часов. – Джо мягко нажал пальцем на нос Лил. – Если что-нибудь понадобится, звони.

– Позвоню. Я заберу вещи из твоего списка позже и завезу их, – сказала она отцу перед тем, как он направился к выходу.

– Встретимся позже, – кивнула она Мэтту и облокотилась на стойку, где стояли лотки и контейнеры с медицинскими принадлежностями. В воздухе знакомо пахло антисептиком и животными. – Я бы хотела, чтобы ты проинформировал меня и остальных о здоровье и медицинских потребностях животных. Лучше всего в обеденное время. Потом я смогу проследить за поставками.

– Давай.

– Расскажи мне о нашем новом жителе. Зена, так ее зовут?

Мэтт улыбнулся, и его обычно серьезное лицо повеселело:

– Это Люциус ее так окрестил. Похоже, прижилось. Она уже взрослая девочка. Ей добрых восемь лет.

– Вершина шкалы для диких животных, – прокомментировала Лил.

– Крепкая девочка. Шрамы не дадут соврать. Она получила довольно сильный удар. Женщина, которая была за рулем авто, сделала больше, чем делает большинство людей в подобной ситуации. Она позвонила нам и оставалась в машине, пока мы не приехали, и даже сопровождала нас до заповедника. Зена была слишком тяжело ранена, чтобы двигаться. Мы обездвижили ее и в таком виде доставили сюда, в операционную. – Он покачал головой, снимая очки, чтобы протереть стекла полкой лабораторного халата. – Это было очень сложно, учитывая ее возраст.

Лил подумала о Сэме.

– Но она выздоравливает.

– Как я уже сказал, крепкая девочка. Учитывая ее возраст и то, что нога никогда не заживет на сто процентов, я бы не советовал ее отпускать. Не думаю, что она протянет в дикой природе и месяц.

– Ну, она может считать это своим домом для престарелых.

– Послушай, Лил, ты знаешь, что по крайней мере один из нас оставался здесь на ночь, пока ты была в поле. Я так дежурил пару ночей назад. Как раз удачно совпало, потому что тем утром мне пришлось удалять зуб у Королевы-матери.

Перед Лил сразу возник образ их старой львицы.

– Бедная бабушка. Такими темпами у нее не останется ни одного зуба. Как она справилась?

– Она зайчик-энерджайзер среди львов. Но дело в том, что в убежище что-то происходило.

– Не поняла?

– Там было что-то... или кто-то. Прямо рядом с вольерами. Я проверил веб-камеру и ничего не увидел. Но, черт возьми, в два часа ночи здесь хоть глаз выколи, даже с охранным освещением. Однако что-то сильно беспокоило животных. Они все взбудоражились и вопили на чем свет стоит.

– Непохоже на обычное ночное поведение?

– Нет. Я выходил проверить, но ничего не нашел.

– Какие-нибудь следы?

– У меня нет твоего наметанного глаза, но мы осмотрели все вокруг на следующее утро. Никаких следов животных там не было. А вот человеческие были. И это не кто-то из наших. Не уверен на сто процентов, но помню, что после вечернего кормления выпал снег, и свежие следы не могли появиться там, где никого не было.

– Никто из животных не пострадал? Какие-нибудь замки были взломаны? – расспрашивала она. Он отрицательно покачал головой.

– Мы ничего не нашли; ничего не тронуто и не украдено. Я представляю, как это прозвучит со стороны, Лил, но когда я вышел на улицу, мне показалось, что там кто-то был. Наблюдал за мной. Я просто хочу, чтобы ты была начеку, не забывала запира́ть двери.

– Хорошо. Спасибо, Мэтт. Давайте все будем осторожны.

«Какой-то фри́к забрел в убежище», – подумала она, надевая пальто. Есть два типа врагов заповедника. Одни выступают под девизом: «Животные не должны сидеть в тюрьме!» (Все-ррез считая убежище тюрьмой.) Другие вопят: «Животные существуют исключительно для того, чтобы на них охотились!» Не исключены и пересечения, и перебежчики из одного лагеря в другой.

И те и другие связывались с командой заповедника – по телефону, электронной и обычной почте. Бывало, отправляли угрозы. Случались и несанкционированные вторжения. Но до сих пор не было никаких особых проблем.

Хоть бы все так и оставалось.

Надо бы самой пойти и осмотреться. Уже прошла пара дней; скорее всего, она ничего не найдет. Но попытаться стоило.

Помахав рукой Люциусу, она распахнула дверь и шагнула за порог...

И чуть не врезалась в Купера.

7

Неясно, кто больше был удивлен и смущен. Но именно Лил отшатнулась назад, хотя и быстро взяла себя в руки. Нацепила на лицо улыбку, добавила в голос дружелюбные нотки и первая поздоровалась с ним:

– Ну здравствуй, Купер.

– Лил... Не знал, что ты вернулась.

– Прилетела вчера. – Она не могла понять, о чем он думает, хотя это легко давалось ей раньше. Его глаза, выражение лица, столь хорошо знакомые ей, теперь оставались непроницаемыми. – Зайдешь?

– Да нет. Тебе посылка. Пришла на адрес убежища, – уточнил он, протягивая ей сверток. Лил заметила, что он без перчаток, а его тяжелая куртка небрежно распахнута, несмотря на холод. – Я ездил на почту, отправлял кое-что по просьбе бабушки. И на почте спросили, не могу ли я заодно завезти это.

– Спасибо. – Забрав сверток, она вышла с Купером на крыльцо и закрыла дверь, чтобы не выстуживать помещение. Поправила на голове шляпу – свою любимую, с плоской окантовкой. Затем принялась натягивать перчатки, заняв себя на то время, что Купер молча смотрел на нее. – Как Сэм? Я только вчера узнала о его травме.

– Физически в порядке. Тяжело скорее морально: он не может делать все, что хочется, и передвигаться как раньше.

– Я заеду навестить его чуть позже.

– Он будет рад. Точнее, и он, и бабушка. – Купер сунул руки в карманы, не сводя холодных голубых глаз с ее лица. – Как там в Южной Америке?

– Занятно и увлекательно. – Она натянула вторую перчатку, пока они спускались по ступенькам. – Мама сказала, что ты продал свое детективное агентство.

– Да, с этим покончено.

– Ты многое сделал и многим пожертвовал, чтобы помочь тем, кто нуждается в тебе. – Она хотела сказать что-то еще, но его бесстрастный и отчужденный тон умерил ее красноречие. – Это очень ценно, Купер.

Он только пожал плечами:

– Я был готов к переменам. Это одна из них. – Он огляделся вокруг: – С моего последнего визита снова что-то поменялось. Ты не стоишь на месте.

Она бросила на него озадаченный взгляд:

– Ты был здесь? Когда?

– Заходил перед отъездом в прошлом году. Ты была... где-то далеко. – Он спокойно стоял на холоде, в то время как резкий ветер трепал и без того беспорядочные волны его густых каштановых волос. – Один твой друг устроил мне экскурсию.

– Она ничего мне не говорила, – удивилась Лил, подумав о Тэнси.

– Он. Француз. Я слышал, что вы помолвлены.

У нее засосало под ложечкой от чувства вины.

– Не совсем...

– Ну что же. Хорошо выглядишь, Лил.

– Ты тоже. – Она заставила себя улыбнуться, сделала усилие над собой, чтобы голос звучал как можно более непринужденно.

– Пожалуй, я пойду. Я передам бабушке с дедушкой, что ты собираешься навестить их.

– Увидимся позже. – Улыбнувшись, она развернулась и зашагала к вольерам для маленьких кошек. Она расхаживала вдоль них взад и вперед, пока не услышала звук мотора, означающий, что Купер уезжает. Тогда она застыла на месте.

«Что ж, – подумала она, – не так уж и плохо». Первый раз всегда кажется самым тяжелым, а на деле все выходит недурно.

Пару раз стрельнуло в сердце да подбросило, как на американских горках. Не смертельно.

Он и вправду хорошо выглядел. Стал старше, взгляд жестче. Черты лица заострились, вокруг глаз появились первые морщинки. Это придает сексуальности.

Она в силах пережить это. Они могли бы снова стать друзьями. Не такими, конечно, как были раньше – до того, как стать любовниками. Но снова сдружиться очень даже могут. Тем более что их родные дружны: ее родители и его бабушка с дедушкой близки между собой, даже очень. Им с Купером невозможно будет избегать общества друг друга, так что придется ладить как можно лучше. И вести себя дружелюбно.

Она в состоянии сделать это. Так же, как и он.

Удовлетворенная собственными мыслями, она начала осматривать заповедник на предмет вторжения и чужих следов – звериных или человеческих.

* * *

Уезжая, Куп посмотрел в зеркало заднего вида, но не обернулся. Просто поехал дальше. Таков был путь, который он избрал. Он не хотел ничего менять.

Он застал ее врасплох. Поправка: они оба застали друг друга врасплох, но именно на ее лице отразилось удивление; всего на пару мгновений, но это выражение мелькнуло весьма отчетливо. Удивление и тень раздражения.

И то и другое исчезло в мгновение ока.

Она стала красавицей.

Для него она всегда такой была. Но объективно глядя на то, какой она была в прошлом, Купер понял, что в семнадцать лет ее очарование только готовилось созреть. В двадцать лет ее по-настоящему коснулось дыхание красоты. А сейчас она достигла своего расцвета.

На секунду от взгляда этих больших, темных, знойных глаз у него перехватило дыхание. Всего на секунду.

Потом она улыбнулась, и еще на мгновение его сердце замерло, и все перевернулось – от воспоминаний о том, что было.

Было – и ушло.

Теперь между ними все будет легче и проще. Так и должно быть. Ему ничего не нужно было от нее, да и нечего было дать взамен. Так будет лучше. А он как раз приехал за лучшей жизнью.

Как ни странно, он уже несколько месяцев подумывал о возвращении. Он даже составил последовательность действий: что предпринять, чтобы продать детективное агентство, завершить бизнес, продать квартиру. Но какое-то время он ничего не делал, а двигался по инерции – потому что так было проще.

А потом раздался звонок. Позвонила бабушка.

Учитывая, сколько он морально к этому готовился, почва для переезда уже имелась – так что последний шаг дался легче всего. И, возможно, если бы он решился на эту чертову малость раньше, его дед не прозябал бы в одиночестве и не упал бы в тот злополучный день с лошади.

Но это были бесплодные размышления, и он знал это.

Если что-то уже произошло, время назад не отмотаешь. Это он тоже знал.

Главное, что теперь он вернулся. Ему нравилось трудиться на ферме – он был склонен к такой жизни, – и, видит бог, ему хотелось немного спокойствия. Долгие дни, наполненные физическим трудом, заботой о лошадях и прочей рутинной. . . И здесь – его единственный настоящий дом.

Он мог бы давно уже вернуться, если бы не Лил. Сколько преград, сожалений и неуверенности ему пришлось преодолеть из-за нее. Но теперь с этим было покончено и они оба могли жить своей обычной жизнью.

Ее детище – заповедник – было таким материально прочным и реальным. В подлинном духе Лил. Он не знал, как сказать ей об этом, как выразить, что он тоже ею очень гордится. Как сказать, что помнит ее первое обещание построить заповедник? И какое выражение лица тогда у нее было, и как падал на это лицо дневной свет. И как звучал ее голос...

Он помнил все.

«Это было много лет назад», – подумал он. Будто целая жизнь прошла. Она училась, работала, строила планы и воплощала их в жизнь. Она пришла к тому, о чем мечтала.

Он знал, что так и будет. Она не согласилась бы на меньшее.

Он тоже добивался своих высот. Это отняло много времени, он наделал уйму ошибок, но по-своему достиг успеха. А потом отказался от него, потому что смысл в том, чтобы вовремя уйти.

Теперь смысл его жизни – здесь, в этом месте. Он свернул на фермерскую дорогу. «Жить здесь и сейчас».

Когда он вошел в дом, то увидел Люси: она была на кухне и хлопотала над выпечкой.

– Вкусно пахнет.

– Решила напечь пирогов. – Она натянуто улыбнулась. – Как там новоприбывшие?

– Четыре туриста. Ими занимается Галл. – Галл, сын кузнеца, не пошел по отцовским стопам, а работал проводником для туристических групп в конюшне Уилкса; когда клиентов не было, он помогал по хозяйству. – Погода ясная, так что они прокатятся верхом. – Он налил себе кофе. – Я пойду проведаю новых жеребят. Проверю, какой они масти и вообще.

Кивнув, Люси заглянула в духовку, хотя в этом не было надобности – они оба знали, что она достанет оттуда готовый пирог минута в минуту.

– Захватил бы ты Сэма с собой. Он сегодня не в настроении.

– Конечно. Он наверху?

– Последний раз видела его там, да. – Она провела пальцами по волосам, которые теперь носила остриженными коротко, как у мальчика; прическа была ей очень к лицу и отливала серебром. – Думаю, он не в духе еще и потому, что я за ним приглядываю.

Вместо ответа внук обнял ее за плечи и поцеловал в макушку.

Она наверняка уже сто раз проверила, как он там. Попутно заглянула в конюшню к жеребяткам. Задала корма курам и свиньям, переделала все дела, с которыми могла справиться (включая те, которые раньше делал Сэм).

А еще приготовила завтрак на них троих. Плюс весь дом и стирка тоже на ней.

Она умудряется изматывать себя, даже когда Купер рядом.

Он поднялся наверх.

Первые пару месяцев после того, как деда выписали из больницы, он жил в гостиной, которую они оборудовали под спальню. Ему требовалось инвалидное кресло и помощь с самыми примитивными потребностями.

И дед ненавидел это.

Как только он сам смог спускаться по лестнице, то, невзирая на медлительность и тяжесть своих передвижений, настоял на том, чтобы вернуться в комнату, которую делил с женой.

Дверь была открыта. Куп увидел деда, который с хмурым лицом сидел в кресле, смотрел телевизор и потирал ногу.

На его лице появились морщины, которых не было еще два года назад. Эти глубокие борозды были прорыты не столько возрастом, сколько болью и разочарованием. И не в последнюю очередь, возможно, – страхом.

– Привет, дедушка.

Сэм мрачно глянул на Купера исподлобья.

– Ни черта нет по телевизору. Если она послала тебя сюда узнать, не нужно ли мне дать попить, поесть, почитать, не убрать ли за мной рыготню, как за младенцем, – нет, ничего не нужно.

– Вообще-то я собираюсь навеститься в конюшню и хотел позвать тебя с собой. Но если тебе больше по душе телевизор, то...

– Не думай, что такие трюки со мной сработают. Я не вчера родился. Просто принеси мне мои чертовы сапоги.

– Да, сэр.

Купер достал пару сапог, аккуратно поставленных на пол в шкафу. Он не предложил деду помощь, которую точно предложила бы его практичная и проницательная бабушка. Но Куп понимал, что ее чрезмерная опека основана на страхе за него.

Купер посвятил деда в текущие дела: рассказал о нынешней поездке по тропам и о том, что заезжал в заповедник.

– Лил обещала заехать сегодня.

– Буду рад ее видеть, если только это не визит к больному. – Сэм приподнялся, оперся рукой на спинку стула и взял свою трость. – Как там ее странствия по заграничным горам?

– Я не спрашивал. Я пробыл там всего пару минут.

Сэм покачал головой. Купер подумал, что для человека с переломом четырехмесячной давности он двигается очень даже сносно. Но скованность была налицо. Нынешняя неловкость движений заставила Купа вспомнить, какой легкой и деловитой была походка Сэма раньше.

– Ума не приложу, что у тебя в голове, парень.

– Что такое?

– Такая красивая девушка, и все знают, что ты когда-то давно был равнодушен к ней, а ты не можешь уделить ей больше пары минут?

– Она была занята, – сказал Куп, когда они направились к лестнице. – Я тоже занят. Между нами давно все кончено. К тому же сейчас она с кем-то встречается.

Фыркая, Сэм принялся спускаться по лестнице. Куп был наготове, чтобы подхватить его, если старик потеряет равновесие.

– С каким-то иностранцем.

– С каких это пор у тебя предубеждение против всего заграничного?

Хотя губы Сэма были плотно сжаты от усилий, затраченных на преодоление лестницы, он все же хихикнул.

– Я уже старик. Мне можно и даже нужно быть ворчливым. И к тому же свиданки с кем-то еще ничего не значат. У вас, молодых, кишка тонка ухаживать за женщиной, если за ней ухаживает кто-то еще.

– А тебя хлебом не корми, дай поворчать на нас, молодых, да?

– Ах ты дерзкий мальчишка, – отозвался Сэм. Но не стал возражать, когда Куп помог ему облачиться в верхнюю одежду. – Выйдем через переднюю дверь. Она сейчас на кухне, и я не хочу, чтобы она принялась хлопотать вокруг как наседка и обрушила мне на голову свое «то нельзя, это нельзя».

– Как скажешь.

Сэм слегка вздохнул и надел свою старую шляпу с кручеными полями.

– Ты славный парень, Купер. Хоть и полный профан по женской части.

– Я профан по женской части? – Куп вывел Сэма на улицу. Он заранее подготовил все к выходу деда: очистил от снега крыльцо и ступеньки, расчистил дорожки, ведущие к грузовикам и к хозяйственным постройкам. – И это мне говорит тот, на кого регулярно ворчит жена. Может, если бы ты в этой постели по ночам не только храпел, она бы оставила тебя в покое днем.

– Вот мерзавец, – хрипло рассмеялся Сэм. – Я должен хорошенько отходить тебя этой тростью.

– А мне потом поднимать тебя, когда ты упадешь на задницу.

– Я способен устоять на ногах, чтобы делать свою работу. Вот этого-то она никак не может взять в толк.

– Она любит тебя. Ты напугал ее. И теперь ни один из вас не даст другому передышки. Ты злишься, потому что не можешь делать все, что тебе захочется. Ты теперь ходишь с палкой и проходишь так, возможно, до конца своих дней. Ну и что? – сказал он, не дав вырваться ни капле сочувствия. – Ходишь же, не так ли?

– Не дает мне лишний раз выйти из дома и пройтись по собственной земле. Мне не нужна нянька.

– Я тебе не нянька, – категорично заявил Куп. – Она суетится вокруг тебя, потому что ей страшно. А ты огрызаешься и отбрехиваешься. Раньше ты так не делал.

– Раньше она не бегала за мной по пятам, как за маленьким ребенком, – с жаром возразил Сэм.

– Ты сломал свою чертову ногу, дедушка. Ты недостаточно прямо стоишь на ногах, чтобы ходить в одиночку по гребаному снегу. Ты все равно поступишь как хочешь, потому что ты упрямый как черт и с места не сойдешь, лишь бы настоять на своем. Но нужно набраться терпения, чтобы дать ноге зажить. Тебе просто нужно смириться с этим.

– Легко сказать, когда тебе всего тридцать, и совсем нелегко – в восемьдесят.

– Тогда ты должен больше ценить время и перестать тратить его на жалобы на женщину, которая любит всей душой тебя, старого ворчуна.

– Что-то ты стал словоохотлив.

– Долго копил слова.

Сэм подставил обветренное лицо потоку воздуха.

– У мужчины должна быть гордость.

– Знаю.

Медленно, с трудом, с помощью Купа Сэм доковылял до сарая. Куп не показывал виду, что заметил, как запыхался Сэм. Он просто дал ему опереться на свою руку и поддерживал его, пока они ходили от стойла к стойлу и смотрели лошадей.

Этой зимой родилось трое жеребят. Двое появились на свет без осложнений, а один был недоношенным. Вместе с бабушкой они приняли у кобылицы роды, и Куп ночевал в конюшне две ночи подряд.

Он остановился напротив кобылы, живущей со своим жеребенком – очаровательной маленькой девочкой, – и, приоткрыв двери стойла, вошел внутрь. Под бдительным взглядом Сэма Куп поговорил с кобылой, прощупал ее, проверяя, нет ли жара или травм. Он осторожно потрогал ее вымя и соски. Кобыла стояла смирно, привычная к прикосновениям рук, а девочка ткнулась головой Куперу в бок, чтобы привлечь его внимание.

Он повернулся, погладил ее красивую шерстку.

– Ваша общая подопечная, – сказал ему Сэм. – Ты уже дал ей имя?

– Памятуя, как ей повезло при рождении, назвать бы ее Счастливицей. Но нет, ей нужно другое имя. – Купер осмотрел зубы малышки. Она не сводила с него огромных, распахнутых, как у лани, глаз. – Как ни банально, пусть будет Принцессой. Кажется, она именно такого мнения о себе.

– Так и запишем. Принцесса Купера. Все остальные лошади тоже твои. Ты знаешь.

– Дедушка...

– Дай сказать. Мы с твоей бабушкой думали об этом на протяжении многих лет. Не знали наверняка, захочешь ли ты этого сам, но в конце концов мы узаконили твое право на наследство. Когда нас не станет, ферма перейдет к тебе. Скажи, хочешь ли ты этого?

Купер выпрямился; юная кобылка тут же отскочила в сторону.

– Да, хочу.

– Хорошо, – быстро кивнул Сэм. – Что же, ты весь день будешь нянчиться с этими двумя или займешься остальными?

Куп вышел от мамы с дочкой, запер двери стойла на засов и двинулся дальше

– И еще кое-что. – Сэм шел следом за Купером, и его трость громко стучала по бетону. – Мужчине твоего возраста нужно собственное жилье. Нечего жить с парой стариков.

– Тебе-то старики явно больше по душе, чем мы, молодые.

– Именно так. Я знаю, ты переехал, чтобы помочь. Так и поступает родня. И я тебе благодарен. Но хватит тебе жить возле нас.

– Выгоняете меня?

– Что-то вроде. Мы можем построить тебе отдельный дом. Выбери участок, который тебя устроит.

– Не вижу смысла отводить землю под постройку дома, когда мы могли бы использовать ее для посадок или пастбища.

– Ты мыслишь как фермер, – сказал Сэм с гордостью. – Но каждому мужчине нужен свой дом. Выбери место, и мы его построим. Или, если не хочешь так, на первое время можешь заняться ремонтом этого спального барака для рабочих. Тут достаточно просторно. Отделать стены да положить пол получше. Может быть, и новую крышу. Мы поможем.

Осмотрев еще одну кобылу с жеребенком, Купер ответил:

– Думаю, барак подойдет. Я его отремонтирую. Я не возьму у тебя денег, дедушка. Это принцип. У мужчины должна быть гордость, помнишь? – процитировал он деда. – У меня есть деньги. И их достаточно.

Он давно хотел поговорить об этом с ними. И не только об этом.

– Я этим займусь.

– Тогда решено. – Сэм оперся на трость и потянулся, чтобы погладить кобылу по щеке. – Вот, Лолли, вот, девочка. За эти годы подарила нам трех прекрасных жеребят. Сладкая, как леденец, не так ли? Рождена, чтобы быть мамой и еще чтобы принять на спину наездника и подарить ему чудесную, приятную прогулку

Лолли ласково обдала его своим теплым дыханием.

– Мне нужно в седло, Купер. Пока не сяду на лошадь, ощущение, что я не сломал ногу, а что ее попросту нет!

– Хорошо. Я оседлаю парочку.

Сэм вскинул голову; в его глазах блеснули одновременно изумление и надежда.

– Твоя бабушка спустит с нас шкуру.

– Сначала ей придется нас поймать. Прогулка, дедушка. Даже не рысью. Договорились?

– Да. – Голос Сэма дрогнул, затем он добавил более уверенно: – Да, то, что надо.

Куп оседлал двух самых старых и смиренных лошадей. Он думал, что понимает, насколько тяжело далось его деду это принудительное бездействие. Но выражение лица Сэма при его словах о прогулке верхом явственно доказывало: он и не догадывался, каково было старику на самом деле.

Пусть порыв опрометчив, намерение-то благое. Ему не впервой.

Он помог Сэму взобраться на лошадь; когда-то простые движения отняли много усилий и причинили старику некоторую боль. Но в глазах деда он увидел удовольствие и облегчение.

Затем Купер сам забрался в седло.

Как и предполагалось, это была та еще работенка. Пара старых лошадей, пробирающихся через снег и идущих в никуда. Но, ей-богу, Сэм Уилкс великолепно выглядел верхом на лошади. Годы отступили – Куп мог наблюдать, как дед молодеет на глазах. В седле его движения были плавными и легкими. Он держался деловито, по-хозяйски.

В седле Сэм был как дома.

Белое поле раскинулось и сверкало под солнцем. Оно подравнивало макушки деревьев, поднимавшиеся из лесов на холмы, укрывало выступы скал под своим ледяным покрывалом.

Но если не считать шепота ветра, звяканья уздечки, мир был неподвижен, как картина в раме.

– Прекрасная у нас тут земля, Купер.

– Да, сэр, это так.

– Я прожил в этой долине всю свою жизнь, обрабатывал землю, работал с лошадьми. Это все, чего я когда-либо желал в этой жизни – не считая, конечно, моей жены и твоей бабушки. Здесь мне каждая пядь земли знакома. Я чувствую, что создал что-то значимое и могу это тебе передать.

Они катались почти час без всякой цели и в основном молчали. Под синим небом представляли в холодной белизне холмы, равнины, долина. Куп знал: пройдет немного времени, все растает и хлынет грязь. Весенние дожди и град. Но вместе с ними придет и зелень, и молодые жеребята будут танцевать на пастбищах.

«Вот чего я хочу», – подумал Куп. Увидеть, как снова распустится зелень, и наблюдать за танцем лошадей. Жить своей жизнью.

Когда они вернулись к дому, Сэм присвистнул себе под нос.

– А вот и бабушка: стоит на заднем крыльце, руки в боки. Сейчас нам влетит.

Куп бросил на Сэма кроткий, сострадательный взгляд.

– Не нам, а тебе. Каждый сам за себя.

Сэм направил свою лошадь во двор – разумеется, с умыслом.

– Ну и глупый же у вас обоих вид. Разъезжаете верхом по холоду, как пара самодовольных идиотов. И теперь небось захотите в награду кофе с пирогом.

– Лично я и пирогом обойдусь. Никто не печет пироги так, как моя Люсиль.

Она надулась и фыркнула, затем повернулась к ним спиной:

– Если он сломает себе вторую ногу, слезая с этой лошади, ухаживать за ним будешь ты, Купер Салливан.

– Да, мэм.

Куп подождал, пока она ушла обратно в дом, затем спешился, чтобы помочь Сэму спуститься.

– Я займусь лошадьми, а ты – ею. Ты попался, тебе и расхлебывать эту кашу.

Он помог Сэму дойти до двери, затем разобрался с лошадьми и упряжью. Ехать в город за покупками не было нужды, так что он занялся мелкими ремонтными работами, коих накопилось. Куп был не так ловок, как его дед, но тоже не лыком шит: по крайней мере, редко попадал молотком по большому пальцу.

Закончив с этим, он решил осмотреть барак. Тот представлял собой длинную, грубо сколоченную хижину с низким потолком, расположенную на некотором расстоянии от фермы и загонов. Это было как раз то, что надо, чтобы уединиться. А уединения Куперу давно не хватало.

Сейчас барак использовали в основном под склад. Он сезонами мог пустовать – до тех пор, пока не возникала необходимость и материальная возможность поселить близ фермы одного-двух работников.

Материальная возможность была на стороне Купера, а необходимость – на стороне его стариков. После того как он превратит барак в приличное жилье, можно будет подумать о том, как переделать в место для ночлега работников кладовую в большом сарае.

Куп знал: новшества нужно вводить постепенно. Шаг за шагом.

Он переступил порог барака. Внутри царил почти такой же холод, как снаружи, и Купер задался вопросом: когда в последний раз растапливали местную пузатую печь? Здесь стояли

несколько коек, старый стол и несколько стульев. На кухне можно было пристроиться с трудом – максимум сварганить ужин, но без всяких посиделок.

Обшарпанные полы, неровные стены... В воздухе витал стойкий запах жира, а может и пота.

«М-да, это не Нью-Йорк», – подумал он. Но с прежним комфортом покончено. Надо будет прикинуть, как сделать эту хибару пригодной для жилья.

Может что-нибудь да выйти, к тому же здесь хватит места для небольшого кабинета. Рабочее пространство нужно ему и здесь. Он не хотел таскаться в дом и делить тамошний кабинет с бабушкой и дедушкой.

Спальня, ванная с хорошим ремонтом, кухня, кабинет. Для него будет в самый раз. Не тусить же он приехал.

К тому времени, когда он закончил обследовать дом, составив план действий, его мысли вернулись к пирогу. Он надеялся, что бабушка уже выпустила пар и перестала злиться.

Вернулся к дому – и, потоптавшись на пороге, зашел внутрь.

А там была Лил – черт подери! – и, сидя за кухонным столом, уплетала пирог. Бросив на него косой взгляд, бабушка все же достала тарелку и для него.

– Проходи и садись. Ужин стынет. Твой дедушка уже прилег вздремнуть: ваши гуляния его вконец измотали. Лил пришлось обойтись моим обществом, а она приехала в такую даль, чтобы его повидать.

– Ну... – только и смог развести руками Куп, снимая куртку и шляпу.

– Составь Лил компанию. Мне нужно подняться и проведать его. – Оставив на столе пирог и кружку с кофе, она вышла прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.